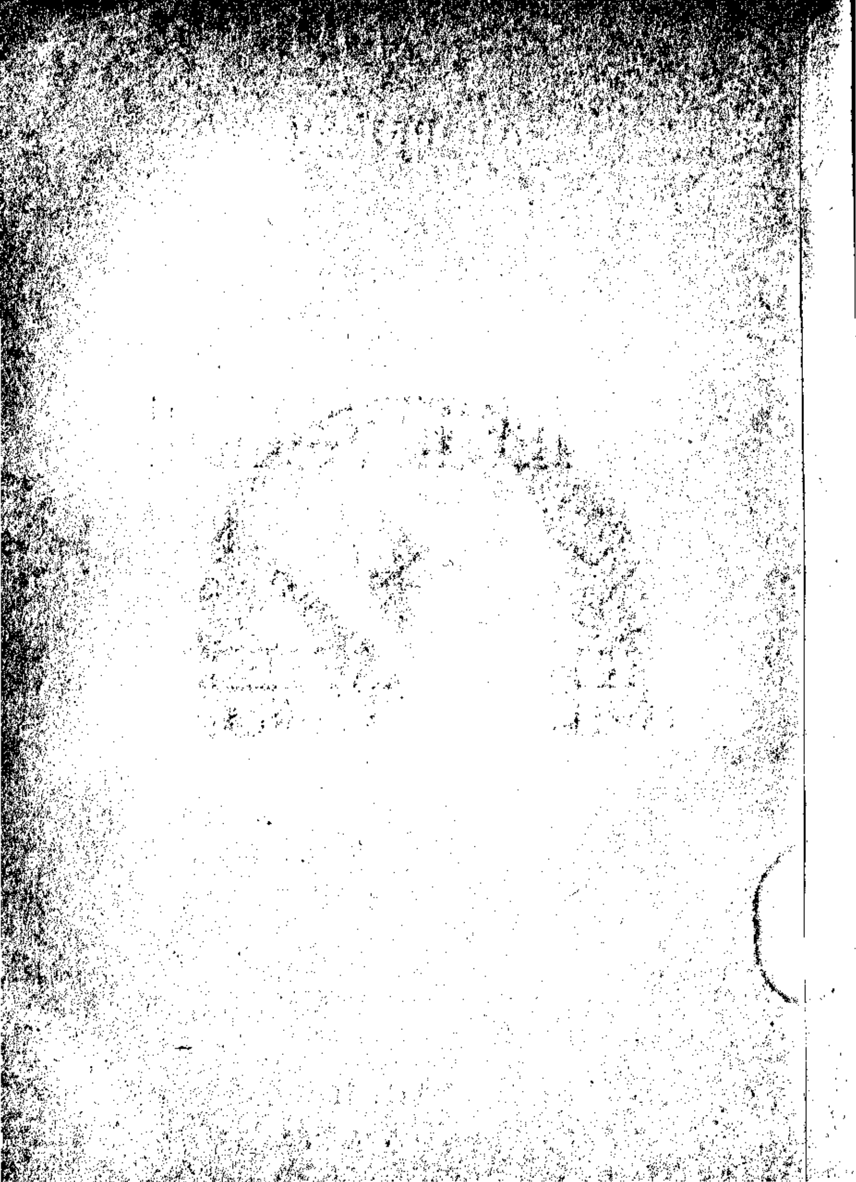
НА ПЕРЕВАЛЕ

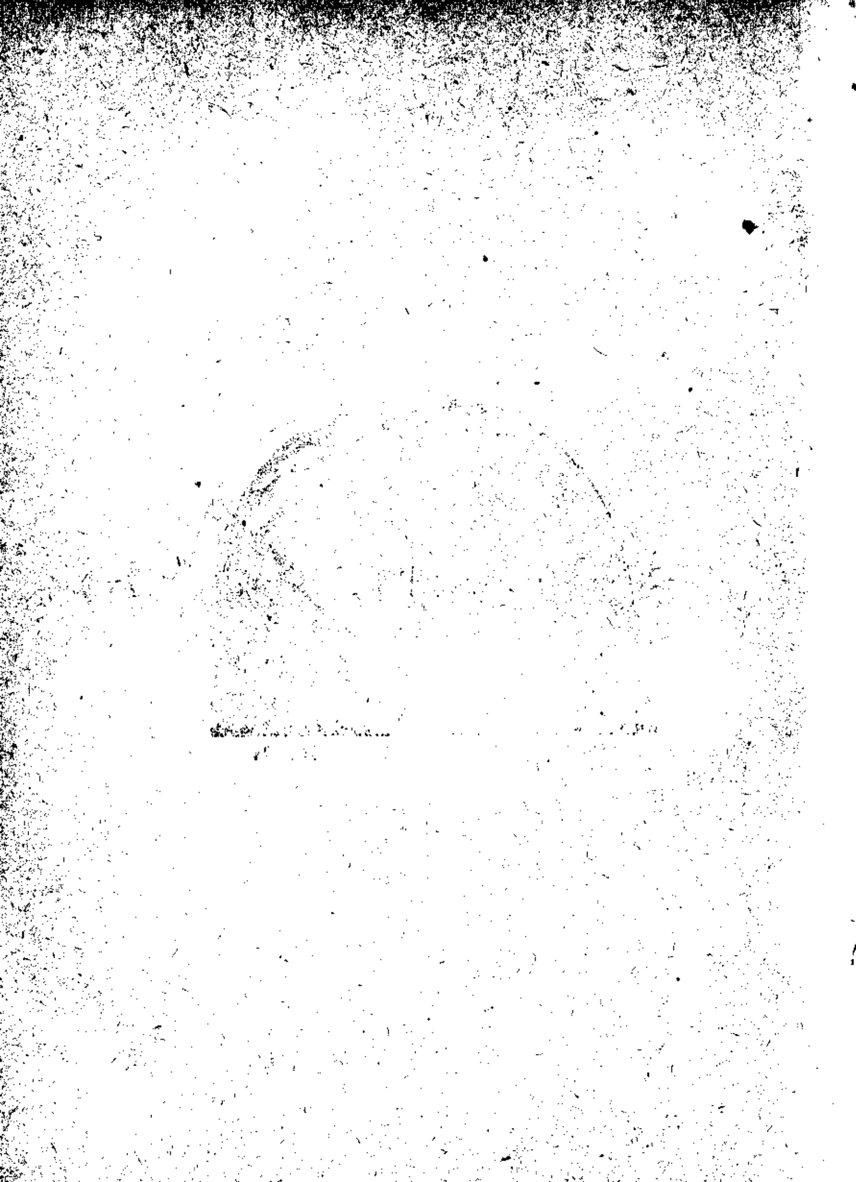
и

КРИЗИС МЫСЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛКОНОСТЪ».

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

НА ПЕРЕВАЛѢ.

II.

КРИЗИСЪ МЫСЛИ.

„АЛКОНОСТЪ".

ПЕТЕРБУРГЪ.

1918.

1.

Мы мысли не знаемъ.

Что дѣлаемъ мы, когда мыслимъ?

Смутнѣйшій процессъ, возникающій въ насъ, не есть мысль:—чувство мысли; но мысль не есть чувство.

Что дѣлаемъ мы, когда учимся у мыслителей мысли?

Усваиваемъ заявленія ихъ о невскрытомъ процессѣ, который есть мысль, запоминаемъ ходъ мысли мыслителей, полагая, что ихъ изнутри проницаемъ; въ дѣйствительности вспоминаемъ ходъ мысли, сопровождая его испареніемъ дыма изъ чувственныхъ образовъ; пресловутое проницаніе мысли покоится на усвоеніи чревомъ процесса сознанья; *питаемся* мыслями мы; но *вос-питывать* пищу въ себѣ не умѣемъ. Со-мысліе по аналогіи есть печальное заблужденіе, потому что стираетъ оно положеніе логиковъ, что процессы рожденія мысли—не мысль.

Отъ Сократа до Канта свершилась работа осознаванія мысли, которой плоды—въ пониманіи невѣроятнѣйшей сложности техники: *чисто мыслить*; чувственность, не присущая мысли, едва побѣждается послѣ долгихъ усилій; исторія мысли—не столько въ процессахъ сложенья ея, сколько въ правилахъ осуществленья контроля надъ нею.

Исторія образованія правилъ контроля—вѣка.

2.

Но осаждаясь въ учебники, схватывается эта исторія мысли не мыслью, а—чревомъ; не соблюдаемъ мы правилъ контроля надъ мыслью при чтеньи Декарта. И намъ непонятенъ Декартъ; девятнадцатымъ вѣкомъ очерчены кругозоры сознанія нашего, но оно—островокъ въ океанѣ исторіи становящейся мысли, вздымающей волны въ столѣтіяхъ; океанъ становленія мысли въ исторіи есть становленіе въ насъ нашей *мысли: лабораторія съ затворенной* дверью, къ которой утерянъ подобранный ключъ.

Мы, усвоивши гребень волны, называемой мыслью, взбиваемъ *лишь пѣну* процессовъ *познанія*; пѣна свергается въ бездну безмыслія; и до смутнѣйшихъ кипѣній Ѳалесовой мысли доходятъ сложнѣйшія звенья теперешней мысли; и фантазируя на тему о мысли, не часто мы мыслимъ.

Живописуя трансцендентальную апперцепцію Канта, не понимаемъ: усвоить мысль Канта—прочувствовать муку столѣтій освободительнаго движенія мысли въ борьбѣ со всѣмъ тѣмъ, что не мысль, но что кажется ею; здѣсь вложены мысли старинныхъ эпохъ, ставъ орудіемъ мощнаго мозга его; орудіемъ этимъ онъ могъ чисто мыслить; не зная молекулярныхъ движеній сжимаемой мышечной ткани, передаемъ мысль рукѣ; если бы осознали движенія эти, сознаніе пережило бы кризисъ; такъ съ мыслью: осознавая ее, переживаемъ ее, какъ опаснѣйшій

кризисъ: поражаетъ ея огромная глубина и возможность въ нее погрузиться со всей нашей жизнью; вмѣстѣ съ тѣмъ: возникаютъ возможности возсоздать всю исторію философіи сызнова, выводя всю исторію изъ исторіи потрясеній души: возникаютъ возможности видѣть, что Вьяса, Капила, Ѳалесъ, Гераклитъ, Аристотель, Кантъ, Гегель, Липпсъ, Ласкъ суть невскрытое нашей собственной мысли, которая обладаетъ хвостомъ, убѣгающимъ въ жизнь нашихъ органовъ подсознательной жизни, гдѣ отложились въ процессахъ питанія, размноженія, осязанія, зрѣнія, слуха – сознанія, демоны, духи и... мысли.

3.

„Трансцендентальная апперцепція Канта“—беремъ въ ней поверхность пучины; и разбираемъ поверхность пучины—поверхностью: *ряби на рябц*—сомысліе, взятіе мысли Декарта; мы варвары по отношенію не къ одному только Канту: по отношенью къ любому изъ мудрецовъ возрожденія, средневѣковья, античности – варвары мы; утонченія Канта не могутъ быть внятными; и утонченія Николая Кузанскаго кажутся примитивнымъ пятномъ—отъ примитивности взятія; при касаніи ихъ въ насъ встаетъ то пятно: варварское касаніе утонченной структуры непонятаго процесса!

Процессъ покрывается: пѣною.

Честно покаемся въ томъ, что Дунсъ Скоттъ, Абеляръ, Росцеллинъ безконечно критичнѣе нашего времени; болѣе требованій развиваютъ они для себя,

чтобъ контроль становящейся мысли, очистился отъ аналогій, пассивно растущихъ, которыя суть не мысль, а утроба ея организма: она почивала въ до-греческой философіи, выражая себя на гробницахъ въ орнаментѣ гіероглифовъ.

Исторія образованія мускуловъ мысли отброщена нами; усвоены памятью результаты; въ усвоеніи этомъ не образуется движеній и мускульныхъ сжатій; въ разсыпанномъ щебнѣ не узришь дробившей кирки; кирка—это мысль: щебень—ставшія формы: предметы, понятія; и созерцая коллекціи ихъ, не разовьешь себѣ мускулы: минерологи тщедушнѣе каменьщиковъ, вооруженныхъ киркой; наши мысли безмускульны, требуя упражненія; но—упражненія нѣтъ.

Въ осуществленномъ *контролѣ* надъ собственной мыслью медлительно отлагаются мускулы мысли.

Предполагается: орьентировка въ исторіи философіи вводитъ въ кругъ мысли; увы: вся гимнастика мускуловъ мысли должна ей предшествовать; иначе отлагается мысль въ... нашемъ чревѣ—не въ мозгѣ.

Мы за чтеніемъ классиковъ не упражняемся въ опытахъ выростанія мысли, которые высвобождаютъ ее изъ тисковъ историческихъ предразсудковъ; но безобразный наростъ историческихъ предразсудковъ—въ насъ мысль; осуществленный *контроль* подмѣненъ въ ней *канономъ*.

Императивъ концентраціи оттого-то и кажется чуждымъ; зачѣмъ бороздить свою мысль, изморщи-

нивать гладкое поле ея, отражающее въ совершенной пасивности все, что ни есть; отражаетъ—не мысль; отражаетъ исторію философіи—чувственность.

Мысль—активна; воспринимая пассивно ее въ бунтахъ міра, мы, мысля, безмысленны; гдѣ отсутствуетъ мысль, тамъ присутствуетъ чувственность; время возстанія порабощенной толпы примитивнѣйшихъ импульсовъ есть наше время; и наше время—есть время полнѣйшаго успокоенія мысли; до гладкаго зеркала; зеркало исторіи мысли она, т. е. опаснѣйшая иллюзія мыслительныхъ воспріятій, которыя суть только мы въ нашей низменной части; корыстолюбіе въ отношеніи къ мысли ужасно; господствуетъ тонъ легкомыслія, самодовольства, упрямства: стоимъ де на гребнѣ волны исторической мысли; но на гребнѣ волны—только пѣна: и пѣна родитъ пузыри: пузыри пустоты.

4.

Панорама возстанія мысли—событіе внутренней важности; драма разрыва въ клочки всѣхъ иллюзій о насъ въ самосознаніи, въ „я" (мы не знаемъ себя). „*О, познай себя!*"—раздается въ началѣ рожденія мысли; и мы—говоримъ:

Годами слышу ихъ,—слова
Исполненныя смысла,
Звучатъ изъ воздуха, воды;
Звенятъ наружу изъ глубинъ земли.

Какъ въ малый желудь внѣдрено таинственно
Гигантское строенье дуба,
Такъ для меня въ томъ словѣ,
Понятная для мысли
Заключена вся сила,
Которую струятъ
Стихіи, души, духи,
Разбѣгъ временъ и вѣчность [1]).

Таково было смутное возставаніе мысли въ безмысленномъ мірѣ Ѳалеса, когда онъ воскликнулъ, что все полно боговъ, демоновъ, душъ; „боги", „демоны" „души"—живѣйшіе токи, смутнѣйшія мысли—пронизывали весь душевный его организмъ и орошали теплѣйшими струями крови первичные органы—миѳы, въ которыхъ мы жили.

И вотъ... Теперь—
Воистину въ моихъ глубинахъ трепетъ!...
Вокругъ маячитъ мгла;
Во мнѣ зіяетъ сумракъ,
Взывая мглой міровъ,
Звуча изъ безднъ души;
„О человѣкъ, познай себя!"
. . . .
Я—есмь!.. Погаснувшимъ
Я чувствую въ себѣ себя.
И вижу собственное тѣло,
Какъ существо чужое внѣ себя,
И—отъ себя далеко [2]).

---

[1]) *Рудольфъ Штейнеръ*: „У вратъ Посвященія" (драма Мистерія).
[2]) Idem.

Предощущеніе Анаксимандра *о безпредѣльномъ* есть здѣсь; и—будущій дуализмъ элеатовъ („я“ тѣло)

Какъ пожирающее пламя,
Извѣчное струится въ жилахъ слово,
Которое съ такою властью
Суть солнца и земли разоблачило мнѣ.
Оно—въ біеньѣ пульса;
Оно—въ ударахъ сердца.
Я чувствую, какъ непонятный міръ
Порывами глухими вспыхиваетъ въ мысли,
Словъ порожденіе:
„О, человѣкъ, познай себя!“ [1]).

Здѣсь—возстаніе философіи Гераклита, міръ вспыхнувшихъ пламеней, слово, стоящее въ немъ несгораемой Купиной.

Не случайно беру я отрывокъ, живописующій человѣка у вратъ посвященія: въ мысль; не случайно, что путь посвященія перечисляетъ три стадіи испытанія человѣка: при помощи мысли, при помощи чувства, при помощи воли—испытанія воздухомъ, водою, огнемъ; приближаемся къ существу пониманія философіи древне-греческихъ физиковъ; рожденіе европейской, отчетливой мысли—впервые свершается. Запоминая мыслителей на зубокъ, отражаемъ, какъ въ зеркалѣ, ихъ въ воспринимающей чувственности; можно длительно пересказывать философіи Канта и Гуссерля, вовсе не зная конкретностей мысли; возстанье активности мыслить есть дѣйствіе,

[1]) Idem.

уподобляемое громовому удару, не пережитому многими мыслителями современности—систематиками, номенклатуристами, мнемонистами. Въ систематикѣ, въ номенклатурѣ нѣтъ мысли.

5.

Есть *внутренній путь* мысли въ насъ; и съ него начинается: *путь!*

Напримѣръ: пониманіе моднаго тезиса (независимость логики) — увѣнчанье столѣтій экстазовъ, видѣній, трагедій и воскресеній чрезъ срывы *страдающей мысли* (религія Логоса!).

Этого экстаза въ насъ нѣтъ; и любой Авицена—гигантъ по сравненію съ нами,—младенцами. (Называй какъ угодно себя: разумѣется—„іанцы“, иль „янцы“—мы всѣ: „Кантъ—Гуссерль—Липпсъ—Когенъ“—„анцы“ иль „янцы“); быть „анцемъ“—младенчество; и заостряться до „изма“ — болѣзнь; глотая невинно какъ „анцы“ почтеннѣйшій—„измъ“ соединяемъ мы немощь младенцевъ съ усталостью старцевъ; стоимъ передъ Гуссерлемъ, не проницая всей бездны, стоящей за нимъ: заболѣваемъ отъ мысли.

Въ высокомѣріи полагая, что знаемъ Плотина и Августина, не понимаемъ, что результаты системъ не въ результатахъ системъ, а въ условіяхъ вырабатываемаго контроля, уничтожающаго болѣзни сознанія. И потому то правъ Ницше: *„есть противники философіи и хорошо дѣлаютъ, прислушиваясь къ нимъ,*

когда они совѣтуютъ больнымъ головамъ... оставить метафизику и проповѣдуютъ имъ очищенье природой“ [1]).

Тотъ же Ницше восторженно проповѣдуетъ: „Гдѣ найти примѣръ народа, которому философія бы вернула утраченное здоровье? Если она когда-либо являлась помощницей, спасительницей, заступницей,—это было лишь здоровьемъ“... И далѣе: „Греки, какъ истинно здоровые, разъ навсегда оправдали философію тѣмъ, что они занялись ей; и притомъ много больше, чѣмъ всѣ другіе народы [2]).

6.

Ницше былъ посвященъ главнымъ образомъ въ философію физиковъ; онъ развилъ въ себѣ ея мускулы, подглядывая самое образованіе мысли и проницая отчетливо свои мысли о немъ. Онъ увидѣлъ огромность размаха тамъ именно, гдѣ и—„анецъ“ и—„истъ“ созерцаютъ наивности, превзойденныя временемъ, котораго не понимаютъ они; всѣ поспѣшныя обобщенія современной намъ физики,—пережитая, ужасная ерунда,—не раздѣляемая творцами науки; если бы погрузились въ ученія ихъ, то увидѣли бы явственно, что современные физики не далеки отъ превзойденныхъ физиковъ, греческихъ „физиковъ“; *миѳологія* этихъ послѣднихъ связуема съ „просвѣтами“ современной науки; старинные миѳы и поло-

---

[1]) Фр. Ницше: „Философія въ трагическую эпоху Греціи“.

[2]) Idem.

женія нашихъ дней—перекликнулись! Можемъ мы пародировать слова Ницше: „Есть противники современной науки: и хорошо дѣлаютъ, прислушиваясь къ нимъ, когда они совѣтуютъ больнымъ головамъ... оставить науку и проповѣдуютъ имъ погруженье въ безмысленное созерцанье природы... Истинные ученые, какъ истинно здоровые, разъ навсегда оправдали науку, отъ жалкихъ клеветъ на нее"...

7.

Но дѣйствительность, которая образовалась для насъ,—безобразна.

Представленья о мірѣ упали: природнаго міра и нѣтъ уже въ плѣсени городовъ, изрыгающихъ дымъ, гдѣ открылись зловѣщія трещины, напоминая зіянія пиѳійскихъ разсѣлинъ. Убитые міромъ машинъ, мы давно ужъ внѣ міра; творимый искусственно міръ, отодвигаетъ отъ насъ міръ, знакомый когда то—въ неизмѣримыя дали, откуда глядится онъ хаосомъ, выбросившимъ на поверхность свой механизмъ, подчиненный не ритму, а метроному; и—да: съ каждой новой машиною жизнь углубляется въ хаосѣ; съ каждой новой машиною мертвенѣетъ кусочекъ огромнаго организма вселенной; пріятія міра, мѣняясь въ обличіи міра, противоестественны; органы оторваны отъ того, для чего они созданы; перерождаясь, рождаютъ химеру; а въ двадцать пятомъ столѣтіи люди увидятъ вибраціи—вмѣсто зеленаго цвѣта и вмѣсто синяго цвѣта.

Будетъ сказкою краска.

И будутъ разсказывать: „Въ тѣ далекія времена еще вѣрили люди въ Амура, въ Психею и въ Краску; и—слышали: Звукъ“.

Перерождаемся въ никуда и ничто: въ трансмашинную неправду явленій, влетающихъ призракомъ; посвященія двадцать пятаго вѣка будутъ въ умѣніи вмѣсто сѣраго міра вибрацій увидѣть: *зеленое* зелени въ *красномъ* зари; передвигаются міра пороги; и внѣ-порожное воспріятіе можетъ стать завтра же запорожнымъ.

Что видимъ въ природѣ теперь есть не то, что умѣли разглядывать прежде; взглянувши на солнце, не видѣли солнца, а дискъ пустоты; вмѣсто солнца отчетливо видѣли переливы лучей, какъ дрожащую радугу свѣтовъ.

И—видѣли миѳы.

Миѳъ греческихъ физиковъ объ огнѣ, водѣ, воздухѣ рисовалъ правду жизни существеннѣе, чѣмъ сказаніе о мірѣ вибрацій философствующей механики жизни, въ которой погрязли давно; рухни завтра она, на обломкахъ ея процвѣтутъ организмы вселенной; и множественность даймонической жизни проявитъ себя.

Это Ницше осознано.

Корни клокочущей мысли милетцевъ соединимы съ наукою не популярныхъ брошюръ, а—Максуэлла, Френеля, Гельмгольца: *съ глубокой наукою*, развивающей новые листья на мощномъ природномъ стволѣ.

8.

Мы повторяемъ вчерашніе постулаты науки, которые вырваны съ корнемъ; о томъ сказалъ Лоджъ — пять ужъ лѣтъ[1]); непеременныя масса и форма, какъ функціи скорости, плавятся на горнилѣ механики, перешагнувшей Ньютона; переплавляются формы законовъ (какъ напримѣръ Маріоттова), стержень недавней механики (непрерывность) — истаялъ: въ прерывность (въ закономѣрность, дѣйствующую капризомъ скачка); разоблачаются принципы; отрывается маска условности отъ вчерашнихъ законовъ; Пуанкаре о томъ говоритъ: „Принципы суть переряженныя условности".

Представленія вчерашней науки связались съ эфиромъ, котораго функція—заполненіе между-атомныхъ пустотъ, необходимо вводящее міръ матеріи въ основаніе представленій о неизмѣнной природѣ; атомъ мыслимъ условно; не въ немъ центръ матеріи; не онъ, а эфиръ безусловенъ; въ эфирѣ связуется механическій міръ съ матеріальнымъ.

Эфиръ—уничтоженъ: и упадаетъ механика прошлаго въ органологію новой науки, ломая дѣйствительность матеріальнаго міра въ міры духовѣденья, которые разоблачаютъ природу согласно началамъ Θалесовой философіи: „Міръ полонъ демоновъ".

---

[1]) См. его рѣчь о непрерывности на Бирмингамскомъ конгрессѣ ученыхъ въ сентябрѣ 1913 года.

Демонъ науки—гостепріимно его ввелъ Максвеллъ и представилъ ученому міру торжественно: будь молекулы сортирующій демонъ, законъ возрастанія *энтропіи* бы палъ; появленіе одного изъ Θалесовыхъ демоновъ въ парадоксахъ Максуэлла—появленіе греческихъ физиковъ въ нѣдрѣ научныхъ заданій, одушевляющихъ физиковъ и математиковъ современности; этотъ демонъ сѣдой старины, переряженный въ остроумный фасонъ окрыленнаго парадокса, вбирается Лоджемъ: при углубленіи въ размышленья Рамсея объ элементѣ *неонъ* въ воздушной атмосферѣ; въ $^1/_2$ куб. сантиметра *неонъ* занимаетъ объемъ въ $^1/_2$ милліонной доли его, тѣмъ не менѣе, содержащей до 10.000.000.000.000 молекулъ, превышающихъ населеніе земли въ 7000 разъ; сэръ Дж. Томсонъ замѣтилъ по этому поводу: „Если бы мы не имѣли лучшихъ свидѣтельствъ о существованіи человѣка, чѣмъ о существованіи ненаэлектризованной молекулы, мы пришли бы къ заключенію, что земля необитаема“.

Лоджъ говоритъ: не имѣемъ мы основанія утверждать необитаемость мірового пространства; нематеріальные обитатели могутъ его населять; констатировать невозможно ихъ способами современной намъ физики; гипотетическій демонъ Максуэлла у Лоджа размноженъ, представляя собой населеніе междупланетныхъ пространствъ: въ современную физику входитъ... Θалесова физика.

9.

Ѳалесова физика развиваема нѣдрами наиболѣе точной науки; математическое обоснованіе философіи современной науки взрываетъ возможности обойтись безъ „вибрацій"; незыблемыя очертанія механической зыби упали въ зыбь мысли: и зыблется міръ представленій недавняго прошлаго.

Въ научныя представленія снова врываются: краска природы и звукъ, извлекаемый пиѳагорейскими числами. Математики осознаютъ красоту жизни чиселъ; математикъ Бугаевъ гласитъ въ своей цюрихской рѣчи [1]:

„Истины анализа отличаются общностью и универсальностью. Истины аритмологіи носятъ... печать своеобразной индивидуальности, привлекаютъ къ себѣ своею таинственностью и поразительной красотою. Этимъ... объясняется, почему иные мыслители ставили въ связь съ цѣлыми числами различные вопросы мистической философіи. Своимъ изяществомъ истины аритмологіи пробуждаютъ... чувство научной красоты"...

Признаніе примата прерывности, рвущее детерминизмъ механической мысли, есть въ заявленьи Бугаева; онъ говоритъ: —

— Не простираются методы безконечно-малыхъ, объемля намъ области изуче-

[1]) Произнесенной на математическомъ конгрессѣ въ 1897 г.

...ія аналитическихъ функцій, въ задачи, открытыя чистою математикой, построенія функцій прерывныхъ; „*можно даже сказать*", говоритъ намъ Бугаевъ, *что непрерывность, есть прерывность въ которой измѣненіе идетъ черезъ безконечно-малые промежутки*"; анализъ—лишь первая стадія математическихъ истинъ; аритмологія есть вторая; въ ней и средства анализа, и рядъ новыхъ истинъ, анализу запредѣльныхъ; она утверждаетъ прерывность, какъ міровую основу; детерминизмъ—частный случай многообразій свободы прерывности: необходимость есть случай свободы; непонятая свобода она. И самая универсальность міровъ лишь явленіе индивидуальнаго міра —

—эти выводы опровергаютъ столь многое, что сознаніе наше мѣняетъ обличіе; взгляды Бугаева послѣ него провозглашаетъ Пуанкаре [1]); физикъ Лоджъ утверждаетъ прерывность.

Міровоззрѣніе математика обосновано; отвлеченное знаніе опирается на интуицію всеединства; въ ней—единство и множество; мы приходимъ тутъ къ схемѣ числа; заключена философія чиселъ въ абстрактныхъ началахъ познанія нашего.

Отношеніе цѣлаго къ части еще занимало Плотина; въ немъ мыслить пытался картину интуитивнаго вѣдѣнья онъ; отношеніе времени къ числамъ—предметъ гносеологіи, полагающей числа въ сверхъ-

---

[1]) „Dernières Pensées".

чувственный міръ; выдвигается важность теоріи чиселъ въ кругахъ нашихъ истинъ; понятіемъ множества выводима теорія чиселъ у Ресселя[1]), Кутюра и у Кантора; опровергаемая у Липпса[2]) и Наторпа[3]), съ которыми соглашается Франкъ[4]), глубокомысленно замѣчая: „Построить теорію числа значитъ вывести число изъ того единственнаго мыслимаго содержанія..., въ которомъ, какъ таковомъ, нѣтъ логическихъ, а слѣдовательно и математическихъ опредѣленій—изъ всеединства, какъ исконнаго единства"... И далѣе: „Всеединство, какъ таковое, есть чистое единство покоя и движенія, единства и неисчерпаемости"... Или: „*число есть отраженіе стихіи движенія въ сферѣ покоя*". Этотъ взглядъ на число С. Л. Франкъ остроумно сближаетъ съ воззрѣніемъ Николая Кузанскаго на особенность временныхъ созерцаній; духъ чиселъ по Франку—духъ Фауста Гете, который гласитъ о себѣ:

In Lebensfluten,
Im Tatensturm,
Wall' ich auf und ab,
Wehe hin und her,
Geburt und Grab,
Ein ewiges Meer,
Ein wechselnd Weben...

---

1) „The Principles of Mathematics".
2) Untersuchungen über die Grundlagen der Mathematik.
3) „Die logischen Grundlagen der exacten Wissenschaften".
4) „Предметъ знанія".

Математическое міровоззрѣніе предестинируетъ и выправляетъ иныя воззрѣнія науки; динамическая атомистика въ этомъ взглядѣ на міръ выясняетъ отчетливо аритмологическій корень свой: онъ вскрытъ въ заявленьи Бугаева: —

„Математическое толкованіе міровыхъ явленій составляетъ существенную принадлежность современной науки. Однако, изъ всѣхъ отдѣловъ математики къ объясненію явленій міра прилагался до сихъ поръ только математическій анализъ. Аналитическое же объясненіе міровыхъ явленій при помощи однихъ непрерывныхъ функцій недостаточно. Кромѣ анализа, въ математикѣ существуетъ аритмологія, кромѣ непрерывныхъ функцій—прерывныя... Аритмологическое міросозерцаніе не принуждаетъ насъ понимать теченіе событій только въ ихъ роковой и необходимой послѣдовательности... Аритмологическій взглядъ пополняетъ міросозерцаніе аналитическое... Истинное научно-философское міросозерцаніе не есть только міросозерцаніе аналитическое, а математическое, то-есть вмѣстѣ аналитическое и аритмологическое... Природа не есть только механизмъ, а организмъ въ которомъ дѣйствуютъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ самостоятельные и самодѣятельные индивидуумы. Рядомъ съ универсализмомъ индивидуализмъ имѣетъ полное право на существованіе. Универсализмъ и индивидуализмъ не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга... Какъ объяснить, что до сихъ поръ... преобладалъ аналитическій взглядъ на при-

роду? Это зависѣло отъ многихъ причинъ. Съ одной стороны, только въ послѣднее время стала выдвигаться аритмологія, какъ самостоятельная вѣтвь математики. Съ другой—блестящія приложенія математическаго анализа... пріучили ученыхъ къ мысли, что анализъ есть единственное орудіе математическаго изслѣдованія... До сихъ поръ полагали, что на каждый научный вопросъ долженъ существовать только одинъ опредѣленный отвѣтъ, и не допускали случаевъ, когда могло быть нѣсколько рѣшеній. Между тѣмъ, въ аритмологіи встрѣчаются функціи, обратныя прерывнымъ. Ихъ можно назвать функціями произвольныхъ величинъ. Онѣ обладаютъ свойствомъ имѣть безчисленное множество значеній для одного и того же значенія независимаго перемѣннаго... Такимъ образомъ, случайность выступаетъ на сцену, какъ присущее свойство нѣкоторыхъ міровыхъ явленій. Въ мірѣ господствуетъ не одна достовѣрность. Въ немъ имѣетъ силу также и вѣроятность... При объясненіи міровыхъ явленій можно держаться различныхъ точекъ зрѣнія... Точка зрѣнія аналитическая и аритмологическая въ своей совокупности составляютъ вмѣстѣ одно математическое пониманіе явленій... Лейбницъ, основатель исчисленія безконечно-малыхъ, первый формулировалъ идею о прогрессѣ, какъ идею о... усовершенствованіи общества... Онъ... считалъ себя творцомъ начала непрерывности. Онъ же сознавалъ и недостаточность его для объясненія всѣхъ міровыхъ явленій. Его монадологія имѣла въ виду дополнить аналитическое

міросозерцаніе и дать... отпоръ наклонности къ раціонализму и универсализму" [1]).

И наконецъ: „Прерывность всегда обнаруживается тамъ, гдѣ появляется... индивидуальность" [2]).

Многопутейность науки ломаетъ ходячіе догматы жизни въ сознаніи лучшихъ ученыхъ. Пуанкаре, Джемсъ, Лоджъ, Гефдингъ, Бугаевъ по разному сходятся въ этомъ. И то же твердитъ Рудольфъ Штейнеръ:—

— „Многоразличіе коренится въ многоразличіи міра разсудка. Тутъ освѣщаются намъ и различія въ развитіи научныхъ методъ"... Или: „Гдѣ имѣющее... значеніе для одного только рода объектовъ объясняется универсальнымъ, тамъ возстаетъ заблужденіе" [3]).

Философія всеединства, сближаясь съ философіей математики, вводитъ въ преддверіе монадологіи современности: аритмологъ Бугаевъ указываетъ [4]):—

— „Монада есть живая единица, живой элементъ. Она есть самостоятельный и самодѣятельный индивидуумъ... Монады бываютъ перваго, второго,

---

[1]) Н. В. Бугаевъ. „Математика и научно-философское міросозерцаніе" стр. 16, 17, 18, 19, 20 и 21.

[2]) [illegible] стр. 16.

[3]) Rudolf Steiner. Goethes Werke. Naturwiss. Schriften. II Band. Einleitung XXXI и „Grundlienien ein. Erkenntnistheorie d. Goeth. Weltanschauung".

[4]) „Основы эволюціонной монадологіи".

третьяго и т. д. порядка... Монады второго порядка могутъ образовать монаду перваго порядка... Символическими примѣрами монадъ различныхъ порядковъ могутъ послужить слѣдующія единицы: человѣчество, государство, человѣкъ—соціальная монада, клѣточка — біологическая монада, частица—химическая монада, атомъ—физическая монада, эѳирный атомъ... Порядокъ монадъ вверхъ и внизъ идетъ до безконечности... Монады вступаютъ въ различныя отношенія... Міровой процессъ съ внѣшней точки зрѣнія приводится къ послѣдовательному образованію и распаденію сложныхъ монадъ различныхъ порядковъ... Распаденіе сложной монады есть только видимое разложеніе. Ни монады, входившія въ нее, ни сама она не исчезаютъ... Индивидуальность и безсмертіе монады всегда сохраняются... Въ такомъ міросозерцаніи примиряются наука и исторія, духъ и матерія, пантеизмъ и индивидуализмъ, свобода и необходимость... Совмѣстною жизнью монадъ вырабатываются общія формы ихъ соціальной жизни. Эти формы получаютъ названіе законовъ, инстинктовъ, привычекъ, обычаевъ, учрежденій... Физическіе законы суть первоначальные обычаи или привычки монадъ, первоначальныя формы ихъ общежитія. Они отличаются наибольшимъ постоянствомъ, ибо формировались раньше и вырабатывались дольше. Инстинкты и простѣйшія формы... жизни слѣдуютъ за такъ называемыми законами неорганической природы... Монада можетъ толковать свои отношенія къ другимъ монадамъ

двоякимъ образомъ; а) въ терминахъ внѣшняго измѣненія, т. е. протяженія и движенія в) въ терминахъ внутренняго измѣненія... При первомъ истолкованіи другая монада является для нея аттрибутами *матеріи*. При второмъ истолкованіи другая монада является для нея аттрибутами *Духа*... Матерія и духъ понятія соотносительныя [1]).

Миѳы греческихъ физиковъ стали прорѣзями въ науку о духѣ у современныхъ ученыхъ.

10.

Древнее знаніе есть скорѣе—бываніе въ материкѣ міра знанія: въ миѳѣ, гдѣ сочетался съ узнаніемъ познающій, гдѣ міръ размышлялъ и гдѣ „мірилась" мысль; и предметъ и познаніе—части органики мысли; познанье—космическій актъ, продолжающій сѣть феноменовъ міра; мы сами создали природу—такою, въ какой мы живемъ.

И рефлексы познанія, ставшаго нынѣ природой, несутъ въ себѣ многія знанія нынѣ; въ теоріяхъ Якова Беме о горькомъ есть отвѣты знанія жизни, отшедшей отъ насъ: „Горькое качество" говоритъ Яковъ Беме „есть сердце... жизни... Листва и трава имѣютъ зеленый свой цвѣтъ отъ горькаго качества" [2]).

И—объяснимы слова: „Если бы Богъ не былъ бы во всѣхъ вещахъ, природа не дѣйствовала бы и не вожделѣла бы ни въ какой вещи... Никогда

[1]) Стр. 2, 4, 5, 6, 7, 11, 18 и 14.

[2]) „Утренняя заря".

человѣкъ не жаждалъ бы питія, если бы въ этомъ питіи не было бы чего-нибудь отъ Бога" [1]).

*У*своеніе уподобляемо знанію—въ устремленіи растворять, разрывать, проницать; растворяются зерна вещей, проницается умъ, разрываются грани межъ міромъ и мыслью—въ устремленьѣ къ сліяніямъ; человѣкъ современности—подлинный гностикъ. Осязаніе, обоняніе, вкусъ, цвѣтъ и звукъ переживаются—въ цѣльности знанія; воспріятіе цѣльно отъ цѣльности знанія; ощущеніе цѣльно въ воспринимающемъ чувствѣ, которое—въ цѣльности знанія; раздраженіе цѣльно въ моемъ ощущеньѣ, а ощущеніе цѣльно въ воспринимающемъ чувствѣ; органологія мыслима въ мысли; вибраціонныя дѣйствія—примышленія искаженной природы, исправляя которую мыслью стираетъ съ природы вибраціи, точно пыль съ ясной краски: природа блистаетъ.

Ощущенія органовъ чувствъ разрываютъ міры; но доклады ихъ мнѣ образуютъ въ мірахъ моей жизни міры моей мысли; имагинаціей цѣльности вызываются образы: зелень—горька; и—воскресаетъ міръ памяти: подлинно бывшаго; оттого и разсказы Ѳалеса о мірѣ природы—есть память о миѳѣ, какъ подлинно бывшемъ; изъ него убѣжала природа, обставшая насъ; мы вѣрнѣй ее сбросили.

Вотъ—намекъ на пучинную жизнь міра мысли, который въ разсудкѣ—поверхность пучины; а—по-

---

[1]) Мейстеръ Экхартъ: „Проповѣди".

верхности—видимъ: рука...; надъ поверхностью: глазъ наблюдателя (сопровождающій всѣ рисунки учебниковъ гимназической физики); но внутри познаванія—происходитъ: рука моя—„я"; и „мой"—голосъ мой; соединяю и руку и голосъ: рука оттѣняетъ мнѣ голосъ; и голосъ разсказываетъ о рукѣ.

Скажете: то не актъ познаванья, а самая жизнь; но познаніе—жизнь; непознаваемость жизни есть знакъ, что познаніе куцо; и безжизненность мысли есть знакъ, что жизнь—куцая жизнь. Это все отпечаталось въ положеніи Кантовой схемы понятія въ актѣ познанія, создающей возможности правилъ разсудка, въ этихъ правилахъ дѣйствуетъ память о творческихъ актахъ созданія міра природы: и математикъ Бугаевъ тутъ правъ: *„Физическіе законы суть первоначальные обычаи или привычки"*...

11.

Нѣкогда знаніе было излитіемъ всѣхъ вещей другъ изъ друга; предметы, отдѣльности, индивидуумы были мигами всекипящаго моря; сознанія, останавливаясь на моментахъ, въ воспоминаніяхъ ихъ понесли; въ воспоминаніи встала вторая дѣйствительность, отдѣлившись отъ первой, отрѣзавъ отъ міра; и голоса прежнихъ былей—воспоминаніе о древнѣйшей бытійственности (философія физиковъ); воспоминаніе о вторично рожденной — элейство; дуалистично оно; монистичны милетцы; соединеніе этихъ двухъ направленій—въ пиѳагорейскомъ числѣ; вся позднѣйшая философія членораздѣльно разска-

зываетъ въ познаваніяхъ воспоминанія наши; философія эта—Платонъ съ его школой; воспоминанія о міровомъ закипающемъ хаосѣ вписаны въ остывающей лавѣ искусствъ и въ остывшихъ кристалахъ предметнаго міра: вещей и понятій, которыя—морокъ раздѣльности; гдѣ-то доселѣ понятія суть излученье матеріи въ насъ; такъ подъемлется — морокъ единства; въ всеединствѣ кипѣній единства и множества нѣтъ; всеединство—кипитъ, а число—*отражаетъ стихію движенія въ сферѣ покоя; единство покоя—въ движеніи множества; упокоеніе множества, гармонизація хаоса, ритмъ* есть число Пиѳагора.

Воспоминаніе *о бытійномъ* познаніи сохранилось: у мистиковъ—въ утвержденіяхъ, что природа положена въ Богѣ, что все есть во всемъ, и что *горькое* качество порождаетъ цвѣтъ зелени; символизмъ воспріятій, опредѣляемый, какъ *аналогія ощущеній* философомъ Вундтомъ, поэтомъ Бодлеромъ, Римбо, Маллармэ и послѣдующей символической школой есть по Канту условіе познаваній; изображенья понятія въ образѣ, блѣдныя Кантовы схемы—возникли отсюда; онѣ рудименты огромныхъ міровъ, угашенные пепломъ позднѣйшихъ абстракцій. И упражненія съ мыслью ломаютъ границы познаній — понятія: мыслью плавимы понятія; мышленіе, ломая границы позднѣйшихъ познаній, отводитъ къ первѣйшимъ истокамъ начала познанія въ насъ, гдѣ постигается опытно всекипѣніе мысли, покрытой позднѣй отложеньемъ понятій; плавленіе короста—актъ: уничтоженья матеріи, матерія и категорія—аберраціи, на-

веденныя другъ на друга зеркальныя плоскости; въ нихъ иллюзія непостижности, раздробляющая суть мысли; въ одномъ направленіи градаціонно отражены ряды формъ, и въ другомъ направленіи отражены основныя понятія знанія.

Образованія живой мысли божественность жизни и область теоріи соединяютъ въ „ѳеорію" (созерцаніе Божества); въ обрѣтеньѣ ея—кризисы мысли, намъ данной; и—вѣянье жизни, идущей на насъ.

12.

Познаніе относимо къ первичному *вѣдѣнью* такъ, какъ оазисы остывающей мысли ко всей огневѣющей массѣ ея; прежде знаніе обнимало вселенную формою жизни, отлагая внутри материкъ матеріальнаго міра и познающаго образуя предметомъ въ предметахъ; въ бытійственномъ знаніи не было множества формъ.

Развиваемый взглядъ умаляетъ намъ линію мысли позднѣйшихъ платониковъ; умаляетъ и Канта, который раскрылъ въ средствахъ поздняго мышленія, что уже до него явно вызрѣло въ Санкьѣ, элействѣ, Платонѣ, и получило чеканку въ системахъ новѣйшихъ кантистовъ; взглядъ развиваемый здѣсь, вызрѣвалъ въ Заратустрѣ, въ орфизмѣ, въ воззрѣніяхъ Аристотеля, Шеллинга, Гегеля, Соловьева и Штейнера; Штейнеръ вскрываетъ: исторія мысли—въ явленіи этой исторіи, какъ исторіи развитія душевныхъ этаповъ; трансцендентальная философія вскрыла проблемы: реальности, міра, матеріи; но критически въ

ней остались невскрытыми: мысль, идеальность, сознанie, субъектъ и объектъ; въ философiи Канта понятiя эти берутся наивно; и оттого ея выводы о субъектѣ, объектѣ, сознанiи, идеальности—ложны.

13.

Аристотелики—нервы движенiя знанiй, передающiе импульсъ античности среднимъ вѣкамъ; платоники перiодически вспыхиваютъ, вдохновляютъ; и—застываютъ опять; а первые—движутся, двигаютъ непрерывно; платонизмъ—созерцаетъ, красуется; и—двоитъ; красота воплощенiя, роста, зачатiя—болѣе въ Аристотелѣ; въ сознанiе новаго мiра втекаютъ ручьи его знанiй; и вызываютъ живѣйшiе диспуты о характерѣ универсалiй, вплетаясь въ логику, метафизику, психологiю, бiологiю, двигая мыслью искусства; платоновы импульсы—созерцанiе ставшаго; аристотелевы, — динамизмъ, *становленье*, кипѣнье; Платонъ — *останавливаетъ, приковываетъ, плѣняетъ, какъ сонъ, намекающiй на какую то прошлую быль*, Аристотель—*толкаетъ, отталкиваетъ, освобождаетъ, расковываетъ; и, пробуждая отъ сна былыхъ правдъ, заставляетъ искать правду будущихъ былей*; ученье его импульсируетъ наше сознанье; онъ самъ импульсируетъ дѣйствiя мiрового размаха, воспитывая... Александра, летящаго ураганомъ по мiру; и то, что поучая прогуливается; что ему приписана тысяча книгъ, что онъ пишетъ учебники, возстанавливаетъ субстанцiональную связь между мiромъ явленiй и мiромъ идей, прерванную Платономъ; и оттого со-

требует явленье конкретным къ нему отношеніемъ—опытомъ, наблюденіемъ: все характерно въ немъ; *движеніе есть для него воплощенье возможностей*; и возможности мыслить прорѣзываются чрезъ изученіе Аристотелевой науки; источникъ движенія—*дѣятельность чистой мысли его*.

Аристотель продолжился въ Θеофрастѣ, Евдемѣ, Клеархѣ, Аристоксенѣ, Страмонѣ, Ликонѣ и прочихъ перипатетикахъ, расширявшихъ науку, искусства, риторику, отдававшихся кипучему дѣйствію; и позднѣе, когда эклектизмъ засорялъ струи мысли 6-го, 4-го, 5-го вѣка, перепатетики менѣе поддались его искусу въ силу активности зеренъ, заложенныхъ въ нихъ.

Въ первомъ вѣкѣ и во второмъ (новой эры) встрѣчаемся съ ними (Адрастъ, Сосигенъ, Соціонъ, Аристоклъ, Александръ); Аристотель вливается частью въ позднѣйшихъ платониковъ.

Въ пятомъ вѣкѣ они процвѣтаютъ въ Эдессѣ, въ шестомъ—у сирійскихъ монофизитовъ; въ IX— они выдѣляютъ ученаго логика Пселла, Іоанна Итала и Михаила Эфесскаго; до четырнадцатаго столѣтія Аристотель вплетенъ въ мысли грековъ.

Со времени династіи Абасидовъ (восьмое столѣтіе) появляется онъ у арабовъ.

Проникаетъ изъ Сиріи, гдѣ традиціи его мысли питаемы въ христіанскихъ кружкахъ; множатся переводы; процвѣтаетъ багдадская школа; и Аристотель — въ Испаніи; аристотелики: Аль-Кенди (изъ Басры), Аль-Фараби (X в.), ученѣйшій Авицена; у него мы встрѣчаемъ опять модуляціи *universalia*

(*ante rem, in re* и *post rem*); средь испанскихъ аристотеликовъ выдвигается *Аверроэсъ* (Кордова) (1126—1198).

Аристотелики изъ евреевъ: Саадія Файюми и авторъ системы еврейской морали Бехай; аристотелики—Іуда Галеви (1080—1150) и знаменитѣйшій Моисей Моймонидъ (1135—1204); онъ струится по жиламъ у всей маймонидовой школы; въ пятнадцатомъ вѣкѣ аристотелики—Альбо, Бибаго, Абраванель и другіе.

Чрезъ Аристотеля ритмы космическихъ знаній осаживаются въ закономѣрности міровоззрѣнія, разцвѣтающаго позднѣе наукою о природѣ.

14.

Воспоминаніе о космическомъ знаніи насъ выводитъ изъ насъ; происхожденіе *изъ текучихъ стихій*—философія физиковъ—память о давнемъ: рисуетъ она эволюцію знаній; теченіе мысли оплотневало въ понятіяхъ; и изъ текучаго знанія произошло не текучее: въ элеатахъ мы видимъ начатки его.

Философія — хроника, передающая эволюцію жизни; и говоритъ Рудольфъ Штейнеръ: „Люди прежняго времени не отдѣляютъ еще собственное переживанье души отъ переживаній природы. Они не противополагаютъ себя, какъ собственное существо, природѣ... То, что человѣкъ... воспринимаетъ, приблизительно высказываемо такъ: „Нѣчто блистаетъ, громитъ, проливается дождемъ, двигаетъ моею рукою, заставляетъ меня ходить,

движетъ вдыхаемымъ воздухомъ, измѣняетъ мою голову"[1]).

Воспоминанія—миѳы:—еще неокрѣпшая оболочка на ритмѣ вселенной, а образность—переходъ; космической мыслью изваяна, вылита миѳологія, запечатляяся въ мраморѣ. Кристаллизуется міръ искусствъ; кристаллизуется міръ познаній; подъ тѣмъ и другимъ—Діонисъ; образованіе міра природы по образу и подобію міра искусствъ есть дальнѣйшая стадія; образованіе міра абстрактныхъ понятій изъ міра познаній—одновременно; исторія Греціи образована исторіей греческой мысли.

Философія физиковъ воспѣваетъ познаніе, какъ стихію текучаго; здѣсь знакъ равенства ставится межъ *душой и стихіей; у насъ—пониманье другъ друга: одним надышались мы воздухомъ или... душой*; въ философіи элеатовъ—уже разложеніе прежней текучей воздушно-душевной стихіи: явленіе отвердѣло; стихіею не пронизано болѣе; одушевленность разложена: въ коросты перемѣнчивыхъ формъ и въ бытійственно-сущее; оно—скрыто подъ коростомъ; разсыпаются формы; пересыпаются формы пескомъ; и *атомизмъ* возникаетъ; а сущее—неподвижно; въ дальнѣйшемъ оно проростаетъ въ познаніи, какъ понятіе о единствѣ (утрачено Гераклитово воспріятіе этого единства, какъ ритма); и оно скороколется въ множество неподвижныхъ понятій; пересыпь изъ понятій, недвижныхъ въ себѣ, есть уче-

---

[1]) Rätz. d Ph. I Band., стр. 31.

ніе о силлогизмѣ; силлогизмы въ исторіи мысли распались; и разложилъ ихъ опять-таки Кантъ на научныя формы, дробящія образъ явленій, ихъ мать.

Въ результатѣ дробленья возникли несущіе атомы, лопнули въ бездну вселенной; и сквозь атомную пыль проступилъ макрокосмъ; физикъ Умовъ привѣтствуетъ наступленіе эры макрокосмической физики; физикъ Лоджъ населяетъ ее нематеріальною жизнью, а математикъ Бугаевъ рисуетъ свое представленье о мірѣ въ согласьѣ со Штейнеромъ: *міръ естъ общество, іерархія духовъ.*

Появленіе макрокосма въ развѣянномъ микрокосмическомъ мірѣ есть знакъ: кругъ недавняго знанія изжитъ; и *новое знаніе* опускается къ намъ; макрокосмъ, къ намъ спустившійся, не обычная эмпирія; онъ есть эмпирей, иль страна существа, обитающаго подъ коростомъ понятійной мысли, гдѣ нѣтъ ни матеріи, ни мысли, ни міра въ ветшаю щемъ смыслѣ; испуганы: прорѣзи новаго знанія входятъ огненнымъ испытаніемъ; знакъ *макрокосма* встрѣчаетъ, какъ Фаустовъ новаго вѣка, въ трагедіи, до которой мы— Вагнеры, пережевывающіе науку; перипетіи философа Фауста открываются въ первой сценѣ уже (медитація надъ макрокосмическимъ знакомъ); макрокосмическій духъ говоритъ о себѣ:

In Lebens Fluten,
Im Tatensturm,
Wall'ich auf und ab,
Wehe hin und her,
Geburt und Grab
Ein ewiges Meer.

Фаустъ—въ ужасѣ: испытаніе мыслью!.. (А испытаніе чувствомъ и волей приходитъ позднѣе); не духа земли видитъ: гада (какъ видитъ его посвящаемый въ испытаніе мыслью Іоганнъ изъ мистеріи-драмы „У вратъ посвященія“ [1]):

Мнѣ дикій гадъ мерещится,
Въ усладахъ страстныхъ вставшій,—
И ясно ощущаю,
Какъ мглистый образъ морока
Чудовищный мой ликъ
До времени въ своихъ глубинахъ скрылъ.

То—чудовищный ликъ всей культуры, въ которой живемъ: онъ построенъ по образу и подобію нашей способности мертвенно мыслить; вхожденіе въ мысль есть трагедія; съ насъ сползаетъ убитая оболочка понятій; и мы говоримъ себѣ:

Вокругъ маячитъ мгла;
Во мнѣ зіяетъ сумракъ,
Взывая мглой міровъ,
Звуча изъ безднъ души.

Макрокосмъ проступаетъ во всемъ; передвигаются всюду пороги сознанья къ истокамъ познаній, гдѣ древнимъ хаосомъ запѣваютъ въ насъ *„физики“*: Анаксимандръ, Гераклитъ; ихъ поднятіе во второй половинѣ истекшаго вѣка подслушано Ницше.

---

[1]) См. драму: Мистерію Штейнера: „Die Pforte des Einweihung“ 2-ая сцена.

И первое дѣйствіе посвященія въ новую эру культуры отчетливо начинается въ немъ: кризисъ мысли стучится; грядущіе кризисы—чувства и воли—приблизились!

15.

Ницше исжилъ въ себѣ мысли греческихъ физиковъ: утопалъ въ *безпредѣльномъ*, сгорая въ огнѣ Гераклита; былъ Фениксомъ онъ; повернувшись назадъ сквозь огонь, онъ увидѣлъ старинное Зороастрово солнце; и спѣлъ о немъ пѣсню; но съ ходомъ развитія мыслей Сократа, Платона и Аристотеля былъ онъ едва ли знакомъ изнутри; его миссія велика: философію вывести сызнова изъ глубинъ познающаго духа; перевернуть ось исторіи, превративши ее въ біографію состояній сознаній. Наоборотъ: біографію вытянуть вдоль исторіи, подчиняя исторію индивидуальному ритму; такъ въ новомъ пробѣгѣ исторіи, погруженной въ себя, онъ дошелъ до Сократа: Сократъ ему чуждъ, а трагедіи крѣпнущей мысли ему кажутся мертвыми; все отличіе Ницше отъ насъ въ томъ, что мы созерцаемъ пассивно исторію мысли и безконтрольно глотаемъ градацію положеній ея; Ницше выявилъ мускулы до-сократической мысли; тончайшія упражненія мысли Александріи не занимали его; отцовъ церкви, схоластиковъ, мистиковъ не проницалъ онъ съ такою-жъ отчетливой ясностью, какъ мысли физиковъ; и—оттого не воскликнулъ: „Плотинъ, Оригенъ, Авгу-

стинъ, какъ здоровые, жизненно оправдали свою философію, ибо они создавали возможность теперишнимъ логикамъ перелетать на абстракціяхъ совершенно очищенной мысли по океану безобразности".

Мы должны оцѣнить коллосальную силу мыслителей Александріи, воздвигшихъ плотины для мысли—отъ океановъ полумиѳическихъ образовъ, отвердѣвающихъ и грозящихъ залить материки ея жизни пучиною чувства.

Если не видимъ пучины въ себѣ, когда мыслимъ, то это—знаменье, что въ нашей мысли господствуетъ воспоминанье названій, ассоціацией связанныхъ съ мыслью; но имена (или—термины) не суть мысли еще.

16.

Исторія философіи, предваряющая Декарта—исторія крѣпнущаго контроля надъ управленіемъ мыслью; если бы современная мысль обернулась бы на свое возставаніе къ жизни, она бы воскликнула: „Я исполнена нечеловѣческой силой экстаза въ моихъ воспріемникахъ; я воистину въ нихъ рождалась какъ Богъ; такъ меня называли они; и я въ нихъ воплощалась, какъ Логосъ; огромные храмы религіи меня заключали въ святое-святыхъ; я туда изливалась для нихъ: образами надъ—божественныхъ высей; ломались всѣ храмы на мнѣ: они были лишь гипсовой формой; по мѣрѣ того какъ я, мощная, выростала изъ храмовъ, они становились опустѣв-

шими ясЛями; я сама о себѣ; никогда не гласила о „богѣ", но „боги" гласили не разъ обо мнѣ"...

Такъ сказали бы про себя укрѣпленныя мысли, проросшія въ Канта сквозь дебри мистеріи неизреченныхъ своихъ состояній; эти мысли изъ тучи экстазовъ рожденія, упраздняли экстазъ.

Философіи откровеній, мистеріи древности, лабиринты оккультныхъ путей—лишь младенческія состоянія гносеологической мысли; подножія вершинъ критицизма.

Въ древней мысли экстазъ—необходимѣйшее условіе, чтобъ мысль родилась изъ первичнаго хаоса данности; въ раздѣленіи двухъ состояній сознанія (умственнаго отъ бытійнаго) смыслъ его; бытіе отдѣлилось когда то отъ мысли, какъ тѣло, которое отвалилося камнемъ отъ жизни души; мысль исходитъ у грека изъ тѣла (главы его) вооруженной Палладой; летаетъ внѣ тѣла; грекъ мыслитъ внѣ тѣла; и видитъ онъ тѣло свое,—

Какъ существо чужое внѣ себя,
И—отъ себя далеко.

„Выхожденіе изъ себя" есть экстазъ, понимаемый нефигурально: реально; фигуральный смыслъ слова родился потомъ (подъ черепною коробкою); мысли изъ насъ исходили душою, какъ змѣи, струясь вкругъ главы; и у мыслителя древности превращалась глава въ зашипѣвшую змѣями голову.

Мысль исходитъ изъ тѣла—душою; и изъ души истекаетъ, какъ духъ; распаденье на тѣло и душу—

сперва: распаденье; на миѳъ и на мысль—лишь впослѣдствіи; происхожденье трагедіи есть разсказъ о рожденіи мысли; и борьба Аполлона съ Діонисомъ есть миѳическое отраженье борьбы половинокъ распавшейся цѣльности; столкновеніе Діониса съ „γνῶθι σεαυτόν“ Аполлона—слѣдующая стадія трагедіи мысли; и потому то нормально сопровожденье рожденія мысли ученіями объ экстазѣ; для исторіи становленія мысли необходимо понять роль экстаза; онъ для мысли рождаемой есть условіе роста; ни гносеологъ, ни мистикъ двадцатаго вѣка не понимаютъ отчетливо роли экстаза въ исторіи; для мистика онъ—цѣль въ себѣ; для мыслителя современности—онъ негодное средство, а для мыслителя древности—годное.

Поговорите съ хлыстомъ, и онъ скажетъ: въ радѣньѣ сознаніе не затемняется; наоборотъ: проясняется невѣроятно оно; и—крылато возносится, отдѣляясь отъ пляски; поговорите—онъ скажетъ: во время радѣнія вовсе не въ тѣлѣ сознанье—надъ тѣломъ: неотуманено, ясно, пронзительно.

Выхожденія „*Я*“ въ сферу мысли—экстазъ; парадоксальносказать: гегельянство таинственно связано съ темнымъ началомъ радѣнья; не было бы радѣній, не родился бы и Гегель.

17.

Связь экстаза и мысли—въ ученьѣ Платона; осознается экстазъ въ эротическомъ окрыленіи, озаряющемъ при поднятіи къ идеальному міру; изъ

Эроса выпунается мысль въ созерцаніяхъ сущаго; въ утонченіяхъ первоположенной мысли—экстазъ; изъ тенетъ вылетаетъ она на окрыленіяхъ Эроса: подъ ней лоно, гдѣ все еще устанавливается природа по скольку окрѣпли тѣла, становленіе мысли есть дѣйствіе въ чувственномъ мірѣ:

Она—въ ударахъ сердца,
Она—въ біеньѣ пульса.

Въ мысли же вылетѣвшей я созерцаю внѣ тѣла, которое,

Какъ существо чужое внѣ меня
И отъ меня далеко.

Вылетѣвши я поддержанъ Зевесомъ и развиваю стремленіе освободиться отъ эротическихъ крылій; Платонъ даетъ правила *очищенья ума*: въ образѣ есть еще непобѣжденная чувственность; чтобы получить оправданіе бытія, по Платону искусство должно подчиниться обители мысли, какъ средство воспитывать добродѣтели; опознающій идеи имѣетъ способности къ отвлеченному знанію; правила *очищенія* мысли вскрываются позднею александрійскою школой; заданія философіи направляются къ уразумѣнью *идеи*, которая у Платона еще не ясна; отправляется отъ Парменида онъ; мышленіе должно отличаться отъ представленій; объектъ чистой мысли—отъ прочихъ объектовъ (Тимей); *единое* существуетъ само по себѣ: и оно—неизмѣнно; идея—*монада* (Филебъ); въ діалогѣ „Парменидъ" установлено, что единство не существуетъ безъ многаго;

въ позднемъ періодѣ числами опредѣляетъ идеи Платонъ; *истинно-сущее* у него динамично; согласованіе же динамизма и постоянства идеи—отсутствуетъ; и позднѣйшая мысль, отказавшись отъ динамическаго истолкованья идеи сосредоточивается на постоянствѣ, единствѣ; въ результатѣ: идеи—*понятія* познаванія.

18.

Правила *очищенья ума* развиваетъ Филонъ; и развиваетъ теорію *сосредоточенья* мысли—въ описаніи концентрацій вниманія на какой-нибудь бѣдной по содержанію мысли; отъ конкретнаго множества образовъ проявленій ея возвышаться къ единству онъ учитъ, рекомендуя условія, благодарныя для рожденья *абстракцій*; совѣтуетъ сосредоточивать мысли въ единствѣ, какъ въ точкѣ, и отрѣшаться: 1) отъ чувственности, 2) отъ эмоцій; 3) встать выше себя.

Правила отрѣщенья отъ чувственности насъ встрѣчаютъ у нынѣшнихъ логиковъ, предлагающихъ мыслить познанье 1) внѣ-чувственно, 2) внѣ-содержательно 3) и—надъ-индивидуально; таковы—*категоріи*; правила логиковъ не апеллируютъ къ праксису; и сознаніе ихъ безконтрольно пріемлетъ, но пріятіе *правилъ* не есть выполненіе правилъ.

Правила возвышаютъ насъ въ сферу экстаза, который есть трезвенность; такъ Филонъ завершаетъ экстазомъ; онъ—мистикъ.

У Плотина, опять таки,—правила сосредоточенья на единствѣ самосознанія, предполагающія умѣніе

отрѣшаться отъ 1) чувственности, 2) діалектически постигаемаго; и все это приводитъ къ умѣнью внѣ-умнаго созерцанія Бога. Очевидно, внѣ-умное созерцаніе единствомъ самосознанія въ ходѣ праксисовъ отразилось впослѣдствіи на ученіи о *„субъектѣ“*; предугаданны взгляды Декарта на связь сознанія и познанія (*„Cogito, ergo sum“* и я „Я“); трансцендентальная апперцепція переживалась практически нѣкогда; зарождалась въ экстазѣ она; отрѣшенье отъ „Я“ было средствомъ къ экстазу, который, какъ солнце, сверхъ-чувственно вспыхивалъ; четырежды былъ испытанъ Порфиріемъ онъ.

Правила концентраціи и контроля надъ мыслью—реальныя средства высвобожденья души (въ древнихъ миѳахъ нѣтъ ставшей мысли, ни—тѣла—господствуетъ метаморфоза: тѣла превращаются); для того, чтобы быть въ *ставшей* мысли намъ слѣдуетъ выйти изъ *ставшаго* тѣла; и потому то отчетливо проницаемы Тертулліановы взгляды о томъ, что у души есть особые органы на которыхъ летаетъ внѣ тѣла она.

19.

Характерны для болѣе позднихъ временъ поученія Климента Александрійскаго, какъ изъ даннаго представленія устраняемы 1) цвѣтъ 2) тяжесть 3) плотность и наконецъ 4) протяженность: приходимъ къ абстрактному центру: то чистая мысль; характерно, что объ экстазѣ нѣтъ рѣчи; и правила концентраціи—не для экстаза: для мысли самой;

здѣсь абстрактное знаніе возглавляетъ пути посвященія—въ мысль того времени.

Вся разсудочность нашихъ дней отлагалась когда то, въ путяхъ посвященія.

20.

Въ христіанскомъ сознаніи одно время экстазъ избѣгался: боялись его; появляется сызнова онъ у Григорія Нисскаго; появляются правила испытанія мысли; и отецъ церкви совѣтуетъ удаленіе чувственныхъ элементовъ для возвышенья изъ *тьмы* въ *свѣтъ* абстракціи; но завершеніе знанія—въ устраненіи *свѣта: въ покой божественной тьмы* (здѣсь опять-таки доминируетъ мистика).

У Діонисія ареопагита—отчетливый путь: сосредоточенье силы ума на простѣйшей идеѣ; при этомъ слагается путь изъ этаповъ: 1) движенье *прямое* души (отъ чувственности до абстракціи), 2) движеніе строющее *спирали* сужденій 3) движеніе *круговое* (душа отрѣшается здѣсь, входя въ храмину); вспоминается Кантъ: 1) отрѣшенье отъ чувственныхъ формъ 2) отрѣшенье отъ діалектики разума, на которой построены догматы метафизики 3) восхожденіе къ категоріальному кругу разсудочныхъ формъ (одновременно сверхъ-чувственныхъ и сверхъ-разумныхъ); путь практическій Діонисія отображенъ явно Кантомъ.

Мы имѣемъ примѣръ, какъ слагались абстрактныя положенія теоретической мысли въ *путяхъ* посвященія; испытанія, іога, контроль, проводя чрезъ

туманы экстазовъ и бездны паденій вычерчивали область мысли; для пониманья конкретности мысли необходимо конкретно пройти ея путь.

21.

Характернѣе всѣхъ Августинъ; до него мысль съ экстазами связана; у Платона экстазъ только средство, а у Филона, Плотина онъ—цѣль; раціоналистическое и мистическое толкованіе мысли сплетается прочно съ экстазомъ; но въ толкованьѣ экстаза расходятся: 1) мысль — для экстаза (Плотинъ) 2) вдохновенье—для мысли (Платонъ).

Въ Августинѣ отчетливо побѣждаетъ разсудочность.

Для пониманія Августиновой мысли важенъ весь путь Августина; боренія съ чувственностью, увлеченіе Цицерономъ, тонкія исканья ума; раздвоенье—моментъ испытанія мыслью—проходитъ сквозь жизнь; его жизнь—испытаніе; онъ себя самого воспринимаетъ, какъ посвящаемаго въ познаніе: видитъ „*собственное существо внѣ себя*".

Кто на меня изъ мглы
Уставился глазами?
Я цѣпи чувствую,
Связующія насъ.
Прочнѣй, чѣмъ Прометей,
Прикованный къ кавказскимъ скаламъ,
Оковами прикованъ
Къ тебѣ... Чудовище, ты кто?

. . . .

О, я тебя узналъ:
Въ тебѣ — я самъ [1]).

Осознаніе двойственной сущности не случайно его приковало къ ученію Манихеевъ; и выступая впослѣдствіи противъ учителя манихейскаго Фауста [2]) онъ выступалъ противъ болѣе поздняго Фауста, которому вложилъ Гёте признаніе, что этотъ Фаустъ содержитъ въ себѣ *двѣ души*; можетъ быть оттого Августинъ выступаетъ ожесточеннымъ противникомъ манихеевъ: борясь съ манихействомъ, съ собою онъ борется; и словами героя мистеріи-драмы онъ можетъ отвѣтить себѣ:

Познаніемъ позоръ порочный мой
Сковалъ съ тобой, позоръ порочный.

Отсюда потребности въ „*Исповѣди*".

Орбита развитія Августина: античность, ученіе манихеевъ, Плотинъ и посланія Павла; въ его мощныхъ признаніяхъ—тайна тогдашняго времени, не принимаемая въ разсчетъ: *невозможности отказаться отъ чувствъ*, вытекающія изъ положенія мысли, не сбросившей съ себя хвостъ недавняго прошлаго (миѳологической метаморѳозы); усилія стоили Августину его отказы отъ чувственности, такъ: въ трактатѣ „*De musica*" полагаетъ онъ, что субстанція міра и есть *свѣтовая матерія*; въ героическомъ актѣ отказа отъ чувствъ путемъ умственныхъ упра-

---

[1]) Рудольфъ Штейнеръ: „У вратъ посвященія".

[2]) „Contra Faustu".

женій и правилъ контроля, осознаетъ Августинъ, что *духовный свѣтъ*—только *мысль*; небытіе же—матерія.

Онъ развиваетъ ученье о трехъ очищеньяхъ познанія, намъ рисующихъ три этапа познанія: 1) *познанье чувственное* (чувства суть буквы духовнаго міра); 2) *познанье духовное*, которое образно: есть духовная образность; и Августинъ героически погружается въ трудную область: разоблаченія чувственныхъ образованій фантазіи въ сферѣ духовной.

Наконецъ человѣка встрѣчаетъ рѣдчайшее познаваніе, свойственное самому Божеству; на языкѣ этомъ Богъ обращается къ духамъ; познаванье такое—рѣдчайшее; Августинъ называетъ его познаваніемъ... *надъ-духовнымъ*; и что же? Оно есть *разсудочность*, открываемая: 1) *въ достовѣрности діалектики*; и 2) въ *достовѣрности математики*. (По этому вопросу смотри изслѣдованіе Попова: „Личность и ученіе блаженнаго Августина").

Характерный примѣръ, какъ экстазы, пути посвященья, трагедіи жизни съ невѣроятною трудностью въ рядѣ столѣтій, чрезъ головы лучшихъ, чистѣйшихъ, святѣйшихъ людей образовали разсудочность мысли, гуляющей въ рядѣ брошюръ, популярныхъ трактатовъ, учебниковъ логики, усвоенье которыхъ доступно любому изъ насъ; пути древняго посвященія—улица; актъ познаванья ведетъ черезъ кручи и бездны невѣроятнѣйшихъ состояній сознанія и жизненныхъ пейзажей души къ возне-

сенному, *надъ-духовному*: и становится уличнымъ, разсудочнымъ знанiемъ въ XIX вѣкѣ.

Не происходитъ ли тутъ подтасовка—то именно, что происходитъ съ отколотымъ льдомъ горной кручи въ долинѣ (мгновенно она превращаетъ его въ воду, въ паръ)?

Воспринимая кристаллы чистѣйшiя мысли въ себя, воспринимаемъ не ихъ, а туманы: и мысль въ насъ опять не есть мысль: испаренiе чувственности; отчетливость въ пониманiи философскихъ проблемъ—фатаморгана, не болѣе.

22.

Августинъ—основанiе рацiонализма; новѣйшая философiя подымаетъ въ немъ голосъ; выдвигаяся тезисомъ *„я знаю, что я живу"* онъ подходитъ къ Декарту уже; утонченiя схоластической смысли въ немъ есть; Бонавентура, Дунсъ Скоттъ перекликаются съ нимъ; Алкуинъ[1])—начинатель схоластики—примыкаетъ къ нему.

Въ одиннадцатомъ столѣтiи два теченiя мысли (рацiонализмъ, мистицизмъ) противопоставлены; всѣ усилiя сосредоточены, чтобы выявить, опредѣлить, разъяснить родъ познанiя, названнаго Августиномъ интеллектуальнымъ—въ одномъ направленiи; и языкъ, на которомъ по мнѣнiю Августина глаголетъ Господь съ iерархiями черезъ сравнительно короткое время становится органомъ ученѣйшихъ диспутовъ

[1]) Въ 781 году былъ призванъ Карломъ Великомъ быть директоромъ въ „Schola palatina".

о характерѣ универсалій, обосновывается на немъ номинализмъ Росцеллина, перекидываясь въ четырнадцатое столѣтіе и развѣтая въ Оккамѣ; и реализмъ, начинаясь въ Эригенѣ [1]), продолжается въ Ансельмѣ Кентерберійскомъ, въ Вильгемѣ изъ Шампо, и прочихъ; промежуточное направленіе занимаетъ ученіе Абеляра; догматикъ Іоаннъ Салисберійскій [2]) провозглашаетъ: непререкаемость разума (пониманія разума въ это время разсудочны).

Такъ абстрактная мысль прорабатываетъ обыденную мысль; но основы ея—только въ *пути* *коридора*, въ пути посвященія, въ выхожденіи изъ себя; и—въ экстазахъ; не слѣдуетъ забывать, что абстрактная мысль намъ рисуется не *вне*-экстазной, а *надъ*-экстазною дѣятельностью.

23.

Таковою намъ мысль выявляется въ Гегелѣ; во второй части „Логики", характеризуя понятіе, Гегель высказываетъ, что *бытіе* и что *сущность*—моменты понятія, взятаго въ *становленіи*: „Понятіе же есть ихъ *основа* и *истина*, какъ тожество, въ которое они перешли... Оно... ихъ *результатъ*, но... не какъ бытіе, не какъ сущность". Такъ вопросъ о понятіи ставится Гегелемъ; царство свободы по Гегелю обнаружено въ немъ: „Понятіе есть сво-

[1]) Центръ дѣятельности падаетъ на 843—888 года.

[2]) Stöckl. Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Mainz. 1865.

бодное,... сущее тожество, составляющее необходимость субстанціи"... („Логика II ч."); тожество „А=А", какъ его мы имѣемъ въ разсудкѣ, членораздѣльно содержится въ синтетическомъ единствѣ самосознанія; такъ оно обрисовано Кантомъ (*Я=Я*); Кантъ возвысился надъ обычными пониманіями до... *понятія*, т. е. до „Я"; „*Я мыслю*" сопровождаетъ всѣ акты сужденій, обусловливая возможность трансцендентальнаго вывода.

Такъ поставлена Гегелемъ точка надъ „i" чистой мысли: она—лишь понятіе; но если точка надъ „i" принадлежитъ философіи XVIII и XIX столѣтій, то само тѣло „i" уже вписано Августиномъ въ исторію мысли.

Мысль—стихія активности, динамизма, усилій; попытка раскрыть динамизмъ этой мысли, какъ только понятія, потерпѣла крушеніе въ грандіознѣйшей метафизикѣ Гегеля; правы, Гегель и Кантъ, утверждая величіе мысли; не правы, величіе мысли смыкая въ понятіе; понятіе непредставимо въ движеніи: правоту этой истины раскрываетъ русло кантіанства; непредставима, какъ статика, мысль; правоту этой истины утверждаетъ русло Гегеліанства; утверждая динамику мысли, рисуетъ ее гегеліанство въ абстрактныхъ понятіяхъ; но *такая динамика* (діалектика) разоблачаема Кантомъ; и утверждая статизмъ категоріальнаго міра въ своей аналитикѣ, Кантъ подмѣняетъ текучую мысль нетекучей.

Мысль—динамична: и потому то она не смыкаема кругомъ понятій.

Отвлеченная форма (понятіе)—точка, оканчивающая краснорѣчивую фразу; и брать эту точку внѣ фразы—безсмысленно; это значитъ: читать геніальный романъ, пропуская всѣ фразы романа и отмѣчая лишь знакъ препинанья; исторія философіи, взятая въ системахъ понятій, уподобляема множеству препинательныхъ знаковъ „Макбета" безъ текста „Макбета"; развивая себѣ свои мускулы мысли, мы можемъ прочесть Абеляра; и внѣ усилій пути посвященія въ мысль воспринимаются Абеляровы точки (понятія); таково воспріятіе философской поэмы вѣковъ направленіями, черпающими свои истоки у Гегеля: матеріализмомъ, экономическимъ матеріализмомъ и крайне правою гегеліанскою фракціей: *точки, точки* и *точки*—безсвязное чтеніе! Тщетное усиліе вычитать тамъ, гдѣ и нѣтъ ничего. Мы тогда говоримъ: „Направленіе Абеляра опредѣляемо „*концептуализмомъ*", пытающимся сочетать многообразіе и единство". Подобное изложеніе Абеляра — пустой препинательный знакъ.

Въ Кантіанствѣ поэтому правильно утверждается: „Не имѣетъ смысла прочитывать діалектики, ибо онѣ—иллюзорны; но имѣетъ смыслъ систематизировать препинанія (категоріи мысли): есть—запятая, есть точка, есть знакъ восклицательный, есть двоеточіе (категоріи качествъ, количествъ, модальностей, отношеній). И мы, не желая стоять надъ наборами типографскихъ значковъ, пропускаемъ чудесныя строки „Макбета". Онѣ—чистая мысль, не сводимая къ *точкамъ* разсудка и пребывающая въ всекипѣніи Разума.

Разумъ же діонисиченъ извѣчно.

Передъ собою имѣя образчики непониманія Разума (въ Гегелѣ, въ Кантѣ, въ Декартѣ, въ Спинозѣ и въ Лейбницѣ), Ницше естественно соблазнился историко-философской рутиной: діонисичности мысли не видѣлъ; діонисичности мысли Сократа, Филона, Плотина, схоластиковъ, Аристотеля, Гегеля — не угадалъ подъ оболочкой разсудочныхъ коростовъ, ихъ облѣпившихъ; и—да: мысль—стихія Діониса; діонисично прыгучее „Klares Denken", къ которому зоветъ Рудольфъ Штейнеръ; оно есть второй Діонисъ, воскрешенный, возставшій изъ перваго Діониса, растерзаннаго Менадами.

Разумъ есть Діонисъ: ожидаемъ второе пришествіе именно *этого Діониса!*

Отрицанье *разсудочности*—живой пламенникъ мистики; отрицаніе *сверхъ-разумности*—пламенникъ въ абеляровой мысли; Абеляръ утверждаетъ: все надо изслѣдовать, а потомъ уже вѣрить; онъ—правъ: „Klares Denken"—во всемъ. Что же есть „Klares Denken"?

24.

Вотъ процессы его: впечатлѣніе первыхъ мыслей, блистающихъ мнѣ, точно записи: наростающихъ пульсовъ; онѣ образуютъ: потоки, рои; въ образованіяхъ встаетъ что бы ни было; образованіе располагается строями около одного сверлящаго центра моихъ концентрацій; и отъ него разлетаются звѣздочки образованья потоковъ понятій; и обдаютъ мнѣ сознаніе огневымъ колесомъ перелетающихъ

искръ; если бы остановить эти искры—изъ каждой росло бы понятіе, какъ изъ зерна мощный колосъ (въ обычномъ сознаніи искры—недвижныя точки мертвѣющихъ препинательныхъ точекъ; *въ состояніи сознанія мысли*—изъ каждой бѣжитъ колосъ-фраза, протягиваясь отъ точки до точки); и безболѣзненно гонится смыслъ ясной искры, понятія, метаморфозами краснорѣчиваго блеска, гдѣ точка, понятіе, множится многимъ смысломъ и гдѣ объясненіе есть вожженіе умножаемыхъ блесковъ —

— окрестность свиститъ и шипитъ огневыми колесами; и заплавясь, душа протекаетъ колесами блеска въ колеса изъ блеска; въ это время я чувствую: переливается все изъ головы въ многокрылое сердце, которое, зажигая пожары въ рукахъ, выбиваетъ изъ рукъ какъ бы *руки*; и эти „*руки изъ рукъ*", описавши окружности, изливаются надъ головою, разбившей свои черепные покровы; и—мощною прорѣзью крылій (тысячесвѣтіемъ въ тысячалѣтіяхъ времени) внятно обратно влетаютъ: въ открытую чашу главы (точно голубь изъ неба).

Въ это время центръ мысли во мнѣ оплотнѣваетъ, какъ дымами, излетающими изъ огня, явно зримою внутреннимъ зрѣніемъ свѣтописью, образуя мнѣ ризу понятій подъ вѣками (Гете зрѣлъ ее; въ ней подсматривалъ онъ начало изобразительныхъ творчествъ; и мы изучая ее, открываемъ законы образованья орнаментовъ по вѣкамъ и народамъ; орнаменты—оплотнѣвшіе свѣточи блеска подъ вѣками; а этотъ блескъ—оплотнѣваніе всего того, что мы мыс-

лимъ); я лечу въ сотворенiи мысли моей сквозь свѣтлѣйшую ризу къ блестящему центру: онъ ширится, разрываяся въ *„глазъ“*: въ оплотнѣнiяхъ разсудочной „мысли“ тотъ глазъ—*„синтетическое единство самосознанiя“* Канта; въ оплотнѣнiяхъ „собственно-мысли“, онъ образъ—огромнаго, синяго „ока“ (разбитаго темени черепа, черезъ которое проступаетъ безмѣрность космической мысли); онъ ширясь, темнѣетъ; и—втягиваетъ меня, какъ въ окно; покидаю я „образы мысли“: вступаю въ безобразность мысли, которая есть проходъ въ иной мiръ; и—открывается мнѣ: „Все, вездѣ, ничего!“.

Созерцаю погасшiя тѣни недавно горѣвшихъ подобiй: подобiя—пусты; они только окна въ „небывшее никогда“ чистой мысли; на мелодiйныхъ размахахъ, въ странѣ *„все—вездѣ—ничего“* я летаю по ритмамъ и образуюсь въ живую гирлянду изъ *„все—вездѣ—ничего“* оглашающихъ миговъ; я чувствую въ тѣлѣ,—какъ будто летающее многокружiе, внѣ меня размыкаясь, исходитъ изъ тѣла; переживается оно мнѣ, точно дискъ на двулучiи, улетающiй отъ меня надо мной, чтобъ качаться крылами въ темнѣющемъ воздухѣ; чувствую себя въ хрупкомъ кругѣ земли; кто то Вѣчный стоитъ и глядится изъ мысли: зоветъ, чтобы и мнѣ съ Нимъ уйти — въ непреложную Древность; и до ужаса узнаннымъ ликомъ говоритъ мнѣ безъ словъ:

— Вспомни же: это—„Я“!

И возвращаясь въ обычное состоянье сознанiя, знаю по опыту я, что стоящее посерединѣ мысли-

тельной сферы есть Разумъ, а летанія многокружій вокругъ — іерархія мысле-существъ, изъ которыхъ каждое разряжается въ нисшей сферѣ (но высшей по отношенью къ разсудку) каскадами искръ—закипѣвшихъ понятій; и я утверждаю, какъ узнанный, узнаваемый фактъ: —

— преображенье усиліемъ мысли понятій есть собственно чтенье: не нашей вселенной, живущей во мнѣ, точно *„память о памяти"*; она—ритмъ; она мысль; она—музыка сферы: страны, гдѣ я жилъ до рожденія; теорія припоминаній Платона вѣрна: и она—описуемый фактъ.

Прикосновеніе къ „ясной мысли" есть фактъ, описующій выхожденіе изъ себя въ страну свѣточей; приподымаясь туда, изъ себя выходилъ; оттого то обычное мышленіе, которымъ владѣю, какъ техникой я, — потеряло осмысленность. Видѣлъ я внятно кипѣнье понятій; и — утверждаю: мнѣ—явственно: *„ясное мышленье"* — не переходы понятій другъ въ друга по мостикамъ силлогизмовъ, а клокотаніе огневѣющихъ водометовъ, гдѣ капли—понятія; въ непрестанномъ кипѣніи, въ преломленіи смысловъ они, поднимающемъ радугу новаго міра; его нѣтъ въ одной каплѣ; но въ танцѣ понятій—есть онъ: въ танцѣ словъ; въ смыслѣ, въ словѣ, какъ въ каплѣ—нѣтъ радуги; наши смыслы суть буквы и точки: мы ихъ не слагаемъ въ слова; наоборотъ—разлагаемъ; и приводимъ симфонію образовъ „Макбета" къ тѣмъ же знакамъ алфавита.

25.

Вотъ что есть „Klares Denken“, которое Ницще отождествилъ съ *„синкретизмомъ“*, и не узналъ Діониса въ немъ именно; оттого и былъ распятъ онъ тою же самою мыслью, которая бы могла вознести его въ страны „Θеорій“ Плотина; но изъ мысли изъялъ Ницше жизнь, о которой сказалъ онъ то самое, что онъ могъ говорить бы о мысли: „Если я когда-либо простиралъ надъ собой тихія небеса и на собственныхъ крыльяхъ влеталъ въ собственныя небеса; если я, играя, плавалъ въ глубокихъ и свѣтовыхъ даляхъ, и приходила птица—мудрость моей свободы,—но такъ говоритъ птица-мудрость: „Знай, нѣтъ ни верха, ни низа! Бросайся во всѣ стороны, впередъ, назадъ...—Не всѣ ль слова сдѣланы для тяжелыхъ?“ Ницше вылетѣлъ *не туда, и не такъ*: его распяли мысли; въ немъ жилъ Діонисъ распинаемый; могъ бы ожить Діонисъ воскрешенный, знай онъ страну мысли.

Всекипѣніе мысли осозналось въ немъ разсудочно; и такое разсудочное осознаніе оклеветало ему существо всекипѣній въ сражающей мысли о „вѣчномъ возвратѣ“.

То былъ поворотъ Заратустры на тѣнь Заратустры; она нашептала ему: „Не высоты пугаютъ, а склоны“; позабылъ, что онъ самъ же сказалъ: „Нѣтъ ни верха, ни низа!... Бросайся впередъ и назадъ“. Тѣнь повылѣзла въ образѣ и подобіи Нибелунга. „Заратустра“ шушукалъ, онъ „бро-

силъ высоко ты самъ себя въ воздухъ, но всякій брошенный камень—долженъ упасть" (Заратустра). И упадающій камень сознанія Ницше, убившій его, есть теорія „вѣчнаго возвращенія".

Философія „Бхагаватъ-Гиты" преодолѣла задолго до Ницше опасности Ницше: И „всекипѣнье" бытійственныхъ нѣдръ она вывела изъ сознанія Кришны, который есть „Я": Я—Вишну... Я пѣснопѣніе; изъ свѣтозарныхъ Я—Индра; Я—Манасъ, изъ всѣхъ живыхъ существъ Я—Сознаніе (Бхагаватъ-Гита, бесѣда 10-ая). Какова же картина сознанія Кришны? Она—всекипѣніе: „Молвивъ это... явилъ Арджунѣ свою высочайшую форму... съ безчисленными устами и очами, во многихъ чудесныхъ явленіяхъ... всечудесный, съ обращеннымъ всюду ликомъ"...

Это—Кришна:—

— Тогда Арджуна, потрясенный изумленіемъ, съ волосами, вставшими дыбомъ, склонилъ голову... и, сложивъ руки, заговорилъ:

„Внутри Твоей формы... я вижу Боговъ, всѣ виды существъ и каждый съ отличьемъ своимъ... Какъ радуга, переливаясь... цвѣтами, касаешься Ты... небесъ..., вращая необъятные зрачки... Твоя внѣшняя жизнь ужасаетъ меня"...

— „Благословенный молвилъ:—

— „Эту форму мою, на которую ты взиралъ, очень трудно перенести"... (Бх.-Гита, бѣс. 11-ая).

Ницше не вынесъ.

26.

Въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкѣ отчетливо намѣчается мистика.

Характерны намъ ученія мистиковъ, возглавляемыхъ Бернардомъ Клервосскимъ (1091—1153), противникомъ Абеляра; рисуются всѣ двѣнадцать ступеней смиренія, *„умное созерцаніе“*, восхищеніе, экстазъ.

То же учитъ Гуго изъ С. Виктора; различаетъ стадіи познаванія: cogitatio, meditatio, contemplatio; въ „contemplatio“ освобождаемся отъ—„какъ“, „что“, „почему“: и въ экстазѣ паримъ.

А Ришаръ развиваетъ уже шестичленную лѣстницу знаній; въ вершинѣ ея угашается сознаваніе: индивидуальность выходитъ изъ тѣла.

„Мысль есть средство экстаза“ провозглашаютъ чистѣйшіе мистики; философія мысли провозглашаетъ обратное; проповѣдь углубленнаго самосознанія—здѣсь и тамъ; переплетаются въ ней обѣ школы.

27.

Невѣроятность, сшибающая насъ съ ногъ, даже не мысль въ нашемъ смыслѣ, а проницаніе всѣмъ существомъ: —

— „*я* есмь *я*“ —

— удивленію нашему нѣтъ предѣловъ. И тотчасъ же забываемъ узнаніе—

до момента, когда потрясаемся вновь:—

—„*я* есмь *я*",—

— а не „Ты", „Онъ", или какое нибудь предметное нѣчто".

Воспоминанiе доноситъ отчетливо мысль о фактѣ, свидѣтелемъ котораго были; тутъ раздвоены мы: нѣчто движется въ насъ, какъ процессъ, а нѣчто стоитъ надъ процессомъ: и—наблюдаетъ: и—помнитъ; то—„*я*"; въ оболочкѣ изъ мыслей оно; самопознанье есть „*это*"; опознаемъ тутъ себя, какъ процессъ внѣ себя.

Въ очень рѣдкомъ узнанiи („*я* есмь *я*") происходитъ не то: самосознанiе погрузилось въ процессъ; стало имъ, проницая себя; переживающiе потоки взлетѣли до „*я*", не прекращая движенiй; и „*я*", обнимая ихъ, проницаетъ со множества пунктовъ, которые тоже суть я: „я-я-я-я-я-я" звучитъ съ сѣвера, съ юга, съ востока и съ запада сферы—многоочитой и созерцающей центръ: центръ—процессъ многообразiе моментовъ процесса вдругъ—точка: единства; единое „*я*"—вдругъ какъ множество множествъ; перемѣщенiе многообразiя и единства въ насъ—чувственный образъ; и онъ лишь намекъ на происшествiе, заключенное въ утвержденiи: —

— „*я*

есмь *я*" —

— равнозначное двумъ другимъ утвержденiемъ: „Мiръ есть я", „я есмь мiръ". Такова интуицiя.

Она — непосредственна; одновременно — мыслительна; множественность и единство въ ней слиты:

описанiе этого рѣдкаго факта сознанiя—совершенно отчетливо въ философiи *Эннеадъ*; утонченныя разсужденiя Плотина объ интуицiи, какъ ни странно сказать, есть попытка описывать фактъ сознаванiя; праксисъ пути до этого состоянiя сознанiя—условiя опыта, который могли бы произвести всѣ анти-плотинисты; съ Плотиномъ пытаются спорить: опровергать, соглашаться; Плотинъ—эмпириченъ; и эмпиричны великiя философемы исторiи; всѣ онѣ—только факты; теорiи ихъ систематика наблюденiй и опытовъ, произведенныхъ въ странѣ нашей мысли; теперь не умѣютъ гоняться за „сернами" и „дикими козами" мысли, встрѣчающимися на горахъ обобщенiй ея: обобщенья—подножiя индивидуальныхъ конкретностей мысли.

Удивляюсь я, что не ясно историкамъ философiи, систематикамъ и комментаторамъ плотиновой мысли: *рисуемые ей горизонты—фактическiе ландшафты*; можно спорить о краскахъ, о методѣ зарисованiя факта, но не о фактѣ самомъ: фактъ есть фактъ; и интуицiя Плотинова есть: она—первая мысль страны мысли.

„*Первое*" этой мысли заключено ужъ въ узнанiи: —

— „*я* есмь *я*".

28.

По сравненiю съ этимъ острымъ моментомъ узнанiя „*я*" всѣ обычныя „*я*" предстаютъ какъ не-„*я*" и, превращаяся въ сопровожденiе утвержденiй (пошелъ, всталъ, сказалъ), обычное „*я*"—тѣневое

сопровожденіе чувственнаго процесса, происходящаго въ нервной организаціи, которая только кишѣнье червей, въ нашемъ мясѣ; слѣпительный голубь зарѣялъ надъ нами, отбросивши въ головѣ у насъ тѣнь: *злого, чернаго ворона* обреченнаго скоро погибнуть: въ попыткахъ его оконкретить онъ—множество сопровожденій („*я*“ взялъ „*я*“ сказалъ): „я-я-я-я-я-я“—безконечности „*я*“ (или нервы).

Попытками конкретизировать „*я*“ размножаемъ однихъ двойниковъ; ихъ ватаги кричатъ, суждена гибель имъ.

Двѣ проблемы рисуются мнѣ, истекающими изъ проблемы самопознанія нашего: проблема познанія и проблема сознанія (въ само-познаніи—познаніе съ сознаніемъ слито: самопознаніе—интуитивно); и обѣ проблемы въ исторіи разрѣшились неправильно; въ первой мы пытаемся очертить области всеединаго „*я*“, и оно—всеединое „*я*“, превращается въ транцендентальную апперцепдію гносеологіи, въ Фихтево абсолютное „*я*“, и въ Декартово *Cogito*; вторая проблема вела не къ осознанію сущаго „*я*“, а къ утратѣ и гибели ложнаго „*я*“ въ нѣкой безднѣ *безъячныхъ безмыслій*. Богъ всѣхъ мистиковъ—непознаваемый „Богъ“: онъ не можетъ быть Богомъ.

Мистика знаменуетъ катастрофу: въ ней—начало пути посвященія въ мысль; она—средство: какъ таковое, не можетъ стать цѣлью она.

Внутренняя діалектика возставанія мистицизма—тонка.

„*Человѣкъ, опознай себя*". Какъ себя опознать? Безъ развитія мускуловъ мысли не пережить интуиціи; интуиція подмѣняется образомъ, кажется:—

—Я—

не „я"; меня—нѣтъ; „*я*"—граница скользящаго мимо; все скользитъ; представленья о „*я*" ускользаютъ.

Меня мѣняетъ бѣгъ дневныхъ часовъ...
Въ громахъ—раскатываюсь;
И мерцаю—въ молньяхъ...
. . . . погаснувшимъ
Я чувствую въ себѣ себя [1])...

Если я отвернусь отъ мельканій меня самого; какъ предѣловъ предметовъ,—предѣловъ не будетъ; не будетъ вещей; будетъ—путь безпредметности; въ образѣ и подобіи глубины, разверзающей дно бытія, онъ предстанетъ:

Мнѣ одиночество глухое
Вернуло самого себя
Лишь для того, чтобъ ужасать
Со дна души встающей бездной [2]).

При усиліи разглядѣть это дно видишь ты, какъ всѣ вещи обставшаго міра слетаютъ въ бездонный колодезь: но бездонность мерещится дномъ—отра-

---

[1]) „У вратъ посвященія".
[2]) Idem.

жающимъ зеркало отъ міра; видишь ты: себя самого, наклоненнаго надъ колодцемъ; и—небо, и—солнце, и—тучи надъ нимъ; въ сопровожденьѣ предметовъ появишься снова; въ образованномъ внутреннемъ мірѣ увидишь покинутый міръ; перемѣстился тотъ міръ внутрь тебя; существо его неизмѣнно; и „*я*"— возникаетъ:

И тотъ же сонъ, и та же ночь
И тотъ же бѣгъ летящихъ дней:
Не превозмочь, не превозмочь:
„О ночь, покрой кольцомъ тѣней!"

Въ одиночествѣ углубленій встаетъ внутри „*я*" тотъ же міръ:

Я утопалъ въ людскихъ сердцахъ, которыя себя
Передо мной въ словахъ разоблачали,
То погружаясь въ тишь монастыря,
То погружаясь въ сказки
Фелиціи.
Я—каждымъ былъ.
Лишь для себя я умеръ [1]).

Тутъ вскрывается эмпирически почва построить теорію логики о единствѣ самосознанія, какъ формы явленій; оно—плодъ познанія углубляющей мускулы мысли.

Но „*мистически*" развиваются лишь этапы пути углубленія: —

— въ нихъ сначала „*я*" данное мнѣ, упражненіемъ превращается изъ предѣла—въ преддвѣріе;

---

[1]) Idem.

Чтобъ ужасать
Со дна души встающей бездной [1]).

Въ слѣдующій моментъ отражаетъ мнѣ эта бездна; и снова она есть поверхность; законы поверхности овладѣваютъ—внутри *„міра бездны"*; *„внутри бездны"* рву я поверхности бездны, и—разверзается точно такая же бездна; она, такъ сказать, бездна бездны; но въ ней появляется тотчасъ поверхность; такъ я прохожу безконечность этаповъ преодолѣнія *„не сущаго"* *„я"*; этихъ *„я"* — безконечности; и — безконечности безднъ поглощаютъ меня.

Законы дурной безконечности (лѣстницъ безднъ, лѣстницъ „Я") подстерегаютъ внутри мистицизма; подлиннаго самопознанія мистика не даетъ; въ ней—экстазъ разрыванія *„я"*; и въ ней нѣтъ откровенія *„я"*; *„я"* всплываетъ, какъ пробка, къ поверхности, чтобы стать лишь логическимъ „я". У мистики нѣтъ „я" мистики; ея *„я"* есть „субъектъ".

А процессъ безконечнаго углубленія (по существу же фиктивнаго) распадается; безконечны разрывы въ немъ *„я"*; безконечны созданія *„я"*; безконеченъ мистическій опытъ; законы его въ философіяхъ мистики однородны; сливаясь другъ съ другомъ, они создаютъ лишь законъ, выражаемый совершенно абстрактно въ разнообразныхъ системахъ: *законъ разрыванія „я" — погруженія въ бездну его* (называемъ ли безднои мы „Бога, иль міръ—все равно); сліяніе съ Богомъ есть проповѣдь евро-

---

[1]) Idem.

пейскаго мистицизма; сліяніе съ міромъ—индусскаго.

Сила мистики — въ отрицаніи, во взрывѣ, въ разрывѣ; она — динамитъ; увѣнчая систему пути познаваній, познаніе топитъ она; она — знаніе о незнаніи нашемъ.

Въ ней „*я*" есть „не-я".

30.

Практика мистика въ перечисленьѣ этаповъ пути и въ подсчетѣ разрывовъ; подобно тому, какъ геологъ, встрѣчая какой-либо пластъ, можетъ просто назвать подстилающія этотъ пластъ земляныя породы, такъ опытный мистикъ предсказываетъ путешествія въ странахъ опыта мистики (но эти страны рисуютъ въ своей соовокупности — кругъ, изъ котораго выхода нѣтъ); и трагедія мистики въ діалектикѣ переживаній:—

— переживаніе „в"—глубже „а"; переживаніе „с"—глубже „в"; переживаніе „d"—глубже „а"; но — кругъ замкнутъ; и — далѣе наступаетъ: переживаніе „а"—глубже „d"; но—переживаніе „*d*" вмѣстѣ съ тѣмъ глубже „а", слѣдовательно: „а" одновременно поверхностнѣе и глубже; то же съ „в„, то же съ „с"; переживанія „а", „в", „с" и „d"— ни поверхностнѣе, ни глубже другъ другу: другъ другу равны—

— вотъ „*тайное*" мистики.

„*Вѣчное возвращеніе*" подстерегаетъ насъ въ мистикѣ: „Я" поглощается Божіей бездной, чтобы изъ бездны по образу и подобію бездны излиться тво-

ренiемъ мiра, который опять изольется въ меня; философiя субъективнаго идеализма—тѣнь мистики на познанiи нашемъ; и на познанiи мистика—тѣнь философiи субъективнаго идеализма: разъ это осознано, „скепсисъ" сражаетъ.

31.

Тѣмъ не менѣе есть у мистики сила, которой не вѣдаетъ идеализмъ нашихъ дней: разсказъ о мистическихъ путешествiяхъ будетъ казаться философу субъективнѣйшей сказкою: субъективиивацiя субъективнаго въ немъ раскроется въ живописанiяхъ мистическихъ странствiй; и это все оттого, что опыта поглядѣть на себя у философа нѣтъ: самопознанiе у послѣдняго растворено лишь въ познанiи (самопознанiе превращается въ осознанiе себя, какъ не-сущаго—въ мистикѣ); у философа нѣтъ совершенно реальнаго знанiя „безднъ", подстилающихъ „Я"; эти бездны не суть субъективныя бездны; „*субъективность*" рождается лишь въ моментъ поворота отъ состоянiй познанiя къ состояньямъ сознанiя; но по мѣрѣ того, какъ мы явственно углубляемся въ мiръ сознаванiй — пейзажи бездоннаго мiра его проступаютъ намъ явственно; и въ описанiяхъ пейзажей старинные мистики—копировщики имъ открытой природы; не хватаетъ имъ средствъ разоблачить ту природу критически; подлинно вѣдаютъ наблюдаемые законы деталей открытаго мiра они, но не восходятъ до вѣрнаго знанiя ритма сложенья законовъ; въ этомъ смыслѣ мистическiй путь,

оставаясь безплоднымъ въ конечномъ итогѣ, весьма плодотворенъ въ нарисованіи деталей путей, кажущихся безпутными; путь мистическій вытравляетъ въ душѣ субъективности универсальнаго, общаго значія; но идущій „путемъ" удивлеетъ „*безпутниковъ*" философіи субъективностью своихъ выявленій: онъ знаетъ закономѣрности „субъективнаго"; машинистъ, перевозящій отъ станціи къ станціи насъ, зачастую не знаетъ конечныхъ этаповъ движенія поѣзда; но этапы до станціи имъ изучены вѣрно (потомъ паровозъ замѣняютъ другимъ).

Въ мистикѣ—половина пути; въ философіи отражена половина другая; но цѣльности нѣтъ здѣсь и тамъ.

Въ мысли „собственно"—цѣльность; „*мысли*" не знаютъ ни мистики, ни философы современности.

Поэтому они удивляютъ другъ друга не только „неправдами", но удивляютъ другъ друга и „правдами"; такъ: философъ цитируетъ мистика въ подтвержденіи своихъ чисто логическихъ выводовъ; а мистикъ цитируетъ гносеологическія мысли, какъ „путь": „трансцендентальная апперцепція„ Канта у мистика появляется, какъ второе „Я" мистика; и второе „Я" мистика разоблачается „надъ-индивидуальнымъ субъектомъ".

Оппозиція философіи мистикѣ превращается часто въ взаимный союзъ; здѣсь имѣетъ мѣсто, народная поговорка: „Милые бранятся—лишь тѣшатся". И вотъ Риккертъ считаетъ себя выявляющимъ сущности „плотиновой" философіи совѣтуя пережить надъ-индивидуальный характеръ субъекта; а мистика

символизма себя обосновываетъ на идеологіи нѣмецкихъ мыслителей (и Малларме идетъ къ Фихте и Гегелю, какъ... въ Каноссу).

32.

Мистика — уязвляема мистикой: ея слабое мѣсто язвится *теоріей мистики*. Въ наростаніи намъ доступныхъ этаповъ — прогрессъ; но и — распады: на мистику описательную и на теорію мистики; первая описуетъ явленія внутренней жизни (таковы описанія Сведенборга различныхъ явленій „любви" напримѣръ; таковы описанія „качествъ" у Якова Беме); здѣсь вскрываются явственно „приключенія странныя" внутренней жизни.

Теоретическій мистицизмъ начинаетъ съ рисовки „иллюзій" пути; и приходитъ ко вскрытію основного закона „иллюзій"; уже у Экхарта есть элементы теоретической мистики; они есть у Рэйсбрука; но „*мистическій критицизмъ*" развивается лишь съ особою мощью въ „Ведантѣ", въ буддизмѣ; и переходитъ естественно въ „*логику психологіи мистики*"; эта „*логика*" расширяетъ безмѣрно тѣ скобки, въ которыя заключаетъ она міръ иллюзій пути; и подъ конецъ въ этихъ скобкахъ предъ нами—вся „*мистика собственно*"; діалектика теоріи мистики увлекаетъ ее на стези бичеванія всяческаго „*психологизма*"; и она незамѣтно на этихъ стезяхъ переходитъ въ одну изъ теорій познанія, обыкновенно зависимыхъ отъ теоріи знанія вообще; примѣръ: эволюція линіи теоретической мистики—„Веданта" есть теорія мистики

вообще; философія самой Веданты есть Шопенгауэръ, а зависимость Шопенгауэра отъ логики Канта—ясна.

33.

Мистика въ этомъ видѣ не путь, а — скелетъ пути жизни; и какъ всякій скелетъ отвлечена она отъ дѣйствительныхъ мускуловъ организма пути; между тѣмъ: въ теоретической мистикѣ разоблачается марево всякаго окончанія пути; онъ здѣсь— колесо перевоплощеній, гдѣ 25-ая стадія созерцанія разоблачаема 26-ой, а послѣдняя — 27-ой; и такъ далѣе, далѣе: скачка съ препятствіями!

Процессъ созиданія мистическихъ цѣнностей, взлетающій, какъ Фениксъ изъ сожженнаго пепла кончается... пепломъ (и новая цѣнность сгораетъ, какъ старая); и — „вѣчное возвращеніе“ (колесо!) настигаетъ повсюду.

34.

Отлетая отъ бренныхъ предметовъ не сущаго міра, установляю законы мельканія миговъ во мнѣ; въ эти миги влетаютъ предметы; и—разрываясь въ нихъ, рвутъ; периферія—разорвана; центръ—углубленъ; винтъ воронки Мальстрёма есть „*я*“; порождаетъ во мнѣ онъ иллюзіи будущаго; новое „*я*“— винтъ Мальстрёма — мнѣ кажется настигающимъ. Впереди — катастрофа, къ которой спѣшу: мое новое „*я*“ набѣгаетъ оттуда, какъ... сверхъчеловѣкъ; мистика теоретически обрываетъ тотъ образъ; иллюзія онъ.

И обратно: внѣдряясь въ мельканье предметовъ, установляю законы мельканья вещей внѣ меня; сочиняю въ такомъ положеніи генеалогію я; эволюція міра проходитъ изъ... прошлаго; но это прошлое—„я"; и оно—сочиненный предметъ, порождающій цѣпи предметовъ; рожденіе изъ исторіи—форма явленія „я" предо мной, какъ предмета; оно—только тѣло предмета; и тѣло то гадъ:

Мнѣ дивій гадъ мерещится
Въ усладахъ страстныхъ вставшій.

То—драконъ; онъ стремится пожрать ликъ младенца, летящаго на меня изъ грядущаго; два „я"—встрѣтились нынѣ: гадъ встрѣтился съ ангеломъ; и каждое „*я*" говоритъ „я" другому:

Я — цѣпи чувствую
Связующія насъ.

Оба „я"—въ цѣпяхъ рока; въ теоретической мистикѣ оба задушены; нѣтъ въ ней ни „я", ни двухъ „я": есть — законъ „*колеса*", есть — „*безъячныя*" цѣпи; и вырываясь изъ нихъ, то мнѣ кажется, что меня пожираетъ прошедшее: *родина*—въ *родѣ*; то кажется мнѣ: катастрофа, грядущая на меня, разбиваетъ меня; въ первомъ случаѣ нѣтъ еще „*я*"; во второмъ—оно было когда-то; но—минуло; мое „я"—пограничная линія безднъ: бездны верхней и нижней; но если я—только линія въ безднахъ пространства души, то и нѣтъ его вовсе: двѣ бездны сливаются—въ бездну; и—погруженіе въ бездну вѣнчаетъ всѣ мистики.

35.

Таковы ея корни: безрелигіозны, безмысленны и внѣ-личны они; какъ бы ихъ глубоко ни упрятать, разсыпавши сверху ковры изъ путей или мыслей (въ одномъ случаѣ мистика имитируетъ духовѣденіе, а въ другомъ — философію), они явно вскрываются въ многообразіяхъ *„теософій“*, какъ скоро стирается въ нихъ человѣчное: конкретное *„я“*; уподобляемся въ мистикѣ мы спортсмэну, сѣвшему на деревянную лошадь.

Ницше былъ тутъ послѣднимъ спортсмэномъ на стартѣ, неремѣнивши термины традиціоннѣйшей мистики на иные обратные; что же? Какими бы ни прикрылъ онъ попонами костяки Россинанда, они его — сбросили: Россинандъ залягался идеей *возврата*; и ею былъ сброшенъ въ безуміе „мистикъ“ послѣдняго времени; и потому послѣ Ницше *„глубинникамъ“* по паденію въ новооткрытую имъ глубину вѣчной мистики скажемъ: „Нѣтъ“! Одновременно должны сказать „нѣтъ“ реформаторамъ“ традиціоннаго вида религій, имѣющихъ тотъ же костякъ, что и мистика; выраженіе лицъ религіозныхъ новаторовъ разнообразно и мило; костякъ этихъ лицъ—черепъ смерти; философія мистики и религій, когда утверждаетъ она, есть „бумъ-бумъ“, разоблачаемый „со времени Николая Кузанскаго; концепція „негативизма“ для всѣхъ теологій еще вскрыта имъ.

Допусти „Бога“ я и обоснуй его въ мистикѣ, начинается: безконечность богорожденій; весь фейер-

верхъ историческихъ „*миѳологій*“ задѣйствуетъ въ спрессованномъ видѣ: во мнѣ; уподобляюсь „я“ римской свѣчѣ; поджигаемый мистикой (вспышкой экстаза), періодически разрываюсь я: „Трахъ-трахъ-трахъ“! И взлетаютъ надъ мракомъ спустившейся ночи незнанія — звѣзды: звѣзда — золотая, зеленая, красная... „Трахъ!“—Заратустра! „Трахъ-трахъ!“

— Тотъ-Гермесъ, Діонисъ! „Трахъ“ — и звѣзды погасли; и ночи меня обнимаютъ.

Не отрицаю я Бога нисколько: Но „бога“ отъ мистики я отрицаю; онъ — это „Я“!

36.

Мистика лишь преддверье къ духовной наукѣ; *или*—ровъ, окружающій ею воздвигнутый храмъ; а „*религіи*“ въ миѳологическомъ, генетическомъ, историческомъ видѣ—цвѣты, покрывающіе бездну ночи подъ ними; подходя нынѣ къ храму познанія, будемъ мы помнить, что развивая конкретное представленіе обо всемъ, догматически принятомъ нами, попадаемъ въ условія мы, гдѣ легко оступиться, упасть; и— свернуть себѣ шею; не должны мы плѣняться зовущими голосами видѣній, безглавыми крыльями многообразной экстазности и нарисованными панорамами современныхъ философемъ; убѣгая за „*голосомъ*“, убѣгаемъ отъ мѣстъ, гдѣ онъ подлинно раздается; улетая на крыльяхъ — въ ничто, повисаемъ въ безднжности; и принимая систему „путемъ“, отправляемся мы путешествовать по двухмѣрной картинѣ

на стѣнкѣ; по ней путешествовать могутъ лишь мужи, пожалуй,—не люди.

Нынѣ крикъ искушающей пустоты раздается отчетливо; но этотъ крикъ — покрывало на голосѣ; голосъ же нудитъ:

— „Познай себя"!

37.

Правда, абстракція, можетъ гордо сказать: „Я стою на огромнѣйшей теоретической выси: И подо мною—экстазы, пути посвященія, мистики, какъ ступени ко мнѣ, это я—ледяная вершина; дѣйствительно: неспособны понять мы абстрактную мысль безъ пути „становленій" ея, а пути „становленій"—пути посвященій; для пониманья абстракціи лѣстница этихъ путей (отъ Ѳалеса до Когена) пробѣгаема нами; безъ пробѣговъ ея, безъ контроля безъ правилъ путей—ледяная вершина познаній лежитъ опрокинута въ ямѣ—поверхности отражающей лужей (въ долинѣ ледникъ превращается въ воду и въ паръ); и потому то не можетъ мы правильно отвергать мысль Декарта иль Канта, не разглядѣвъ въ ней всю лѣстницу *ступеней и путей* „*становленія*" ея по вѣкамъ: многострадальные святые отъ мысли—Бонавентуры, Оккамы—гласятъ мыслью Канта.

Мы вдвойнѣ неспособны отвергнуть мысль Канта, не переживъ углубленіе въ глубину сущей бездны, не переживъ въ себѣ „мистику", не переживъ въ себѣ подлиннаго отверженья ея, не переживъ всѣхъ восторговъ сжигающей стужи „*абстракцій*"; и

оттого то паденіе этого царя:—царей жизни—абстракціи— пробуждаетъ въ насъ ужасъ.

И онъ—первое посвященіе въ „*путь*“, современности: на немъ погибъ Ницше, отвергнувшій „гносеологію“ и отвергнувшій мистику.

Въ кризисѣ современной намъ мысли впервые нащупываются катаклизмы культуры: міръ—рушится; подъ обломками міра трещитъ, разрываясь, Россія; и — бытіе нашихъ душъ; отрываются наши тѣла, какъ скорлупки, въ огнѣ пулеметовъ.

Треснула мысль, опредѣлившая бытіе,[1]) и бытіе—развалилось; живымъ динамитомъ сознанія разорвались стѣны дома, въ которомъ мы жили.

Въ настоящее время всѣ знаютъ: опасно ребенку подкидывать бомбу какъ мячикъ; не знаютъ, что этою бомбою каждый играетъ; и „бомбою“ самой опасной: „абстракціи“—оболочки отъ бомбъ; въ динамитномъ разрывѣ абстракцій отчетливо рвутся какія угодно пространства, какія угодно столѣтія; выскажи я сегодня въ газетѣ свое состоянье сознанія, завтра, быть можетъ, взорвется сознаніе неизвѣстнаго американца; черезъ тысячу лѣтъ, если мысль моя сохранится, взорвется сознаніе нерожденныхъ еще. Мысли—бомбы.

38.

Кантъ хочетъ труднѣйшаго: требуетъ, чтобы поняли:—

—эмпирическое и раціональное („опытъ“ и метафизика „духа“)—подножія надъ-раціональнаго;

одновременно надъ-опытнаго; все „духовное" познаваніе Августина (міры образовъ)—просто „чувственность", Кантомъ критически чувственность вскрыта; и „Бога" въ ней нѣтъ; все духовное познованіе Августина покоится на схематизмѣ понятій; способность воображать — внутри акта познанія (часть его); и „надъ-духовная" сфера—критически вскрыта; одна половина ея—„діалектика"—обусловлена механизмомъ понятій, достовѣрность познанія—въ математическихъ и физическихъ истинахъ: въ аксіомахъ, законахъ; и люди, и „боги"—положены Кантомъ въ разсудокъ; методологія школы Когена вскрываетъ все это.

Остатки анализа Канта (нумены, вещь для себя)—пограничныя понятія познаванія; въ школѣ Канта они уничтожены; самая „данность" чего бы то ни было—категорія (Риккертъ); „категорія" послѣ великолѣпныхъ анализовъ Гуссерля—въ мысли, которая заключаетъ въ себѣ все, что есть; но заключающее все, что есть,—интуиція; сфера же интуитивнаго мышленія—познанію запредѣльна; познаніе въ Кантовомъ смыслѣ—всегда дискурсивно, т. е. лежитъ *внутри данности*; и оттого опознать интуицію дискурсивно нельзя; вѣдь внутри интуиціи и субъектъ и объектъ познаванія; и потому то познаніе—*„субъективно"* въ гносеологическомъ смыслѣ; т. е. „субъектно" оно; преодолѣнье „субъетности" невозможно; „субъектъ" оформляетъ объекты, а таковыми являются содержанью сознанія нашего, т. е., мы, какъ придатки къ своей философіи; если бы и была

философіи, „субъективистическое“ присутствіе философа ее устранить.

И потому то на остріѣ современности съ небывалою остротой всталъ вопросъ: возможна ли интуиція внѣ „*дискурсій*“? она возможна была бы, преодолѣй мы „субъектность“, то есть, она невозможна безъ измѣненія состоянья сознанія нашего.

Такъ вопросъ о „*сознаніи*“ снова выносится изъ психологіи, и теоріи знанія, обособляясь въ проблему новѣйшаго гнозиса. „Самопознанье“ по новому внѣ теоріи познаній, внѣ мистики, психологіи развиваетъ свой стягъ; и намъ явственно: отъ разрѣшенья проблемы самопознанія, отъ практической возможности устранить себя, какъ „*субъектъ*“, въ сущности намъ зависятъ вопросы о цѣли и смыслѣ.

Двѣ огромныя вѣтви встрѣчаются здѣсь перекрещенными: вѣтви мистики, психологіи, религіознаго творчества и эстетики съ вѣтвью логики; мы стоимъ предъ проблемой невѣроятнаго синтеза; если онъ состоится, не рухнувъ въ обломки эклектики, то возможно намъ проницать тайну мысли.

Александрійскій періодъ, непонятый Ницше, поэтому возстаетъ передъ нами; по новому мы должны разобраться: придвинуты снова къ нему; и подобно тому, какъ намъ въ Ницше открыта треагедія Греціи, мы подходимъ къ срыванью покрововъ надъ страшной трагедіей Александріи.

Въ Александріи вставала задача неописуемой важности: выявить всеединаго духа конкретно; „душевное“ взятіе Духа явило расщепъ въ странѣ

Духа, которая оплотнѣвала обратно въ „матерію" и замерзала въ „понятіе"; на перекладинахъ этого страстного креста распиналось стремленіе александрійца: взойти въ страну Духа; александрійская тайна еще не разгадана; въ ней—грядущее; и поскольку мы взоръ устремляемъ въ грядущее, въ насъ развиваются всѣ болѣзни Александріи; мы, „Фаусты" новаго вѣка, у граней культуры любуемся заревомъ александрійской мозаики, не понимая, что это зарево пламени, охватившее *„ветхую храмину"*—тѣло, палимое молніей Духа; уподобляемся Фаусту мы въ монологѣ о томъ, что философія насъ утомила; уподобляемся мы богоборцу, повѣшенному въ безысходныхъ пустотахъ съ потухшею сферой въ рукахъ: сферой мысли разсудочной, нынѣ снимаемой съ головы, какъ абажуръ, надѣтый на лампу: на лампѣ онъ свѣтитъ, сквозя яснымъ пламенемъ; снятый, онъ—тусклъ; всѣ высоты логическихъ утвержденій, пока восходили мы къ нимъ, намъ сквозили какимъ то огнемъ; возошли—нѣтъ огня! Весь разсудокъ—сквозной абажуръ, пропускающій свѣточи Разума; съ Разума снятый, онъ—матовое, пустое стекло.

39.

Душа Александрійской культуры теперь возлежитъ въ саркофагѣ исторіи философіи, точно мумія, оглашающая подземныя стѣны уже уходящей культуры рѣченіемъ текстовъ, изсѣченныхъ на стѣнахъ ея; эти тексты опубликованы въ интереснѣйшей

книгѣ „Koptisch-gnostische Schriften“ [1]); пространство же стѣнъ теперь вписано въ насъ: въ насъ живетъ безсознательной жизнью оно; но отдѣленный отъ стѣнъ саркофагъ—нашъ разсудокъ—отрѣзанъ отъ громовъ броженія жизни „исторіи философіи“; перспектива космическихъ и историческихъ мыслей теперь въ саркофагѣ разсудка таитъ похороненнаго Тантала—насъ, въ нашей мысленной самости; мы—огромныя пирамиды, мучительно выпертыя изъ космическихъ бредовъ; мы заключаемъ въ себѣ свою душу, посерединѣ квадратнаго мрака сердечнаго помѣщенія, положенную въ тяжеловѣснѣйшій разсудочный саркофагъ; по артеріямъ нашего тѣла топочутъ Лемуры въ квадратную комнату—грудь—голосятъ: „Кто это построилъ... такой скверный домъ?“ Мефистофель командуетъ ими“... [2]). Надъ пирамидою, гдѣ-то сверху, гремитъ голосъ Тартара.

40.

У Вячеслава Иванова есть великолѣпная трагедія „Танталъ“, передающая Александрійскую душу; античный герой, сытый роскошью, данной отъ Бога ему, похищаетъ на пирѣ „боговъ“ пресвѣтлѣйшую Чашу съ напиткомъ.

Здѣсь отчетливо явлено положеніе Эллина на рубежѣ двухъ эпохъ: онъ, сковавшій невнятицы древ-

---

[1]) Editio C. Schmidt Leipzig 1905.

[2]) Окончаніе „Фауста“.

нихъ космическихъ миѳовъ огромною силой разсудка—поднялъ свою силу на Бога, взойдя въ Его сферу.

Похищаетъ на пиръ боговъ всесвѣтлѣйшую чашу духовнаго знанія; Вѣчности схвачены эгоистической самостью мускулы укрѣпляющей мысли; и этимъ разорваны; а своры миговъ—толпа за толпой—унижаютъ Духъ жизни; толпа разъяренныхъ животныхъ терзаетъ отшельниковъ-христіанъ; и толпа христіанъ безпощадно терзаетъ невинное тѣло Гипатіи.

Это страшное дѣло—работа сознанія „Тантала"—александрійца, который „я" мысли подъемля одною рукою въ обитель неба, другою кощунственно похищаетъ напитокъ боговъ и отдаетъ ихъ Иксіону и Сизифу („*христіанину*" и „*язычнику*") того времени; кощунственно влечетъ въ небо обоихъ; и разгорается чувственность въ нихъ. Самъ-же Танталъ впадаетъ въ оцепенѣлые сны; появляется нисшее „*я*", порожденное Танталомъ, нападаетъ на Чашу, пронзается молніей: дѣйствіе „молніи" Александріи на нисшее „я" человѣка мы вскроемъ отчетливѣй—ниже; оно—въ неумѣніи обходиться съ чистѣйшимъ духовнымъ огнемъ; и Иксіонъ вращается огненнымъ вихремъ (иль вѣчнымъ возвратомъ несчастнаго Ницше): подстерегаетъ онъ насъ въ мистицизмѣ; Сизифъ поднимаетъ утесъ; утесъ—падаетъ на Сизифа; усилія философіи поднять міръ—обрываются.

Александріецъ—становится явственнымъ нынѣ; гласитъ изъ вѣковъ:

Темной окаменѣлъ громадой,
Повисло тяжко
Тебя подавивъ, твое темное Солнце [1]).

Повисаетъ въ пространствахъ исторіи Танталъ и повисаютъ въ пространствахъ космической мысли тончайшіе логики.

41.

Мы покинувши кругъ міровоззрительныхъ смысловъ, Universalia Аристотеля полагаемъ въ себя; и—выкидываемся изъ себя, какъ „*субъектъ*" познаванія. Кругъ природы—покинутъ; онъ—изжитъ; гдѣ обычное „я"—лишь „*оно*", распинаемое, какъ тѣло, логической сущностью:

Это жалкое, желтое тѣло
Пятнами впадинъ
Глазъ, —
Провисая межъ двухъ перекладинъ
Изъ тьмы
Вперяется
Въ насъ.
Это жалкое, желтое тѣло
Проволакиваемъ мы
Въ себя,
Во тьмы
Пещеры
Безвѣрія,
Не понимая,
Что это мистерія

---

[1]) Вяч. Ивановъ: „Драма Танталъ",

Совершается
Нами —
Въ насъ.

Земля мертвенѣетъ, отваливаясь отъ ногъ; чувствуешь головокруженіе логики, чувствуешь „*я*", выбитымъ изъ души, умирающимъ, отходящимъ въ пространства темно-лазурнаго купола; этотъ куполъ, не озаренный никакъ, — гносеологическое сознаніе, на тебя нападающее, и выхватывающее изъ *жалкаго, желтаго тѣла, пятнами впадинъ глазъ провисающаго между двухъ перекладинъ*; гносеологическое сознаніе — нападающій Зевесовъ Орелъ, расклевывающій главу и убивающій тѣло, чтобы на одно лишь мгновенье почувствовалъ ты, какъ

Трупъ изъ внѣ-времени
Лазурей
Пронизанный *отъ темени до пяты*
Бурей
Вострубленной
Вытянулся отъ земли до эѳира,
Чтобъ разслышать въ эѳирѣ:
— „Сынъ —
„Возлюбленный
„Ты".

Про Александрійскаго человѣка, какъ и про насъ, можно одновременно сказать и то, что —

Перегорающее страданіе
Сіяніемъ
Омолнило
Ликъ
Его, какъ алмазъ, —
— Когда что-то,
Блеснувши неимовѣрно,

Преисполнило этого человѣка,
Простирающаго длани
Отъ вѣка и до вѣка
За насъ.

И то, что

Какое то ужасное „оно„
Съ мотающимися, перепутанными волосами
Угасая
И простирая рваныя
Израненныя
Длани,
Въ девятый часъ
Хрипло крикнуло изъ темени
На насъ:
„Или... Савахѳани!“

42.

Въ Александрійскомъ періодѣ пересѣкаются два момента: моментъ просіянія и моментъ умиранія; выпрыга, выхожденія изъ себя на *„вострубленной бурѣ“* экстаза; и—вхожденія огромнаго космоса *„я“*— въ умопостигаемую... брешь головы, какъ въ дыру, предполагающее муку сжатія, спрессовыванія Вселенной до... бреннаго тѣла; извольте-ка вынести свои звѣзды, подъ черепною коробкою... мозгомъ, и Солнце свое, превышающее размѣромъ землю, затиснутымъ въ бьющій сердечный комокъ; Юпитеръ—затиснутымъ въ печень; Венеру—сведенную къ... почкамъ; и такъ далѣе...

Двоякое дѣйствіе—выворачиваніе и вворачиваніе—двояко мучительно; выворачиванье, расширенье

безъ мѣры, рисуетъ картину, начертанную на Бхагаватъ-Гитѣ; о ней заявляетъ Арджуна, что жизнь той картины его ужасаетъ; *„всекипѣніе“* расширенія лишаетъ внезапно насъ почвы; мы чувствуемъ тутъ себя—*„отъ земли до эѳира“*, какъ еслибы печень вдругъ стала громадой Юпитера и завращалась по собственнымъ принципамъ жизни; а отдѣленное сердце самостоятельно брызнуло-бъ кровью лучей, какъ огромное солнце; невыразимости, небывалости сферы Вселенной сознанья внѣ тѣла и ощущеніе математически точное, что ты—*и* ты, и не ты, а... какое то міровое „оно“, набухающее въ никуда и ничто, которое все равно не осилить,—грозило бы разорвать сознаваніе; Александрійскій экстазъ расширялъ; и пошли безконечныя лѣстницы эоновъ въ философіи гностиковъ, чтобъ при помощи ихъ разрываемое экстазомъ сознаніе что то такое умѣло ощупать; и—не было ощупей: это—ужасъ!

Но ужаснѣй для Духа—сошествіе Духа на насъ: его сжатіе до ничтожнаго организма, въ которомъ сіяніе венерической жизни кощунственно оскверняется... почечнымъ отбросомъ; жизнь огромнаго Существа, нисходящаго въ насъ, чтобъ *безвинно страдать*, переживаетъ мученія и какъ бы утопаетъ, засасываемое дырою, зіяющей снизу (отверстіемъ тѣла); въ мѣстѣ нашего тѣла—лишь щель, сквозь которую проходитъ оно; съ периферіи несется оно въ несуществующій центръ, спрессовываясь въ ощущеніе, что оно—не оно, а какое то втискиваніе въ никуда и ничто, которое—по мѣрѣ вхожденья сознанія въ

тѣло — прорѣзывается невѣроятно мучительнымъ ощущеніемъ безпредметности: боли сидѣнія въ органахъ — безъ возможности выйти изъ органовъ.

Соединенье страданій двухъ „я“ въ со-страданіе страданій и образуетъ Голгофу внутри существа; въ то огромное время, когда воздвигаемый крестъ въ Палестинѣ — стоялъ, предлагался и намъ этотъ крестъ: внутри насъ перекрещеньемъ путей, существа Человѣка и Духа. Александрійская мистика, философія, гностика опрокинули вѣщую необходимость креста; отъ креста отвернулись; и — обусловили срывъ того времени; прикосновеніе двухъ направленій не перешло въ перекрестность, *перекреститься* должны они были; вмѣсто этого точка ихъ встрѣчи предстала толчкомъ тѣла въ духъ; человѣческій духъ отлетѣлъ въ вышину на такое огромное разстояніе, что видѣлся точкой... понятія Гегеля: математической точкой; а множество духовъ Вселенной вокругъ стали множествомъ точекъ: міры атомовъ — міры духовъ, усмотрѣнныхъ издали; это понято нынѣ; объ этомъ теперь повѣствуютъ — Бугаевъ: *„физическіе законы... первоначальныя обычаи или привычки монадъ“*. Духи, зримые издали, суть монады; и зримые еще болѣе издали — атомы.

Прикосновеніе двухъ направленій не перешло въ перекрестность; и точка ихъ встрѣчи сложилась въ толчокъ: духа въ тѣло; и тѣло упало столь низко, что стало казаться оно — обезьяной, животнымъ, червемъ, наконецъ, комомъ слизи (амебой); сложилась теорія возникновенія идеальнѣйшихъ устремленій

изъ слизи морской; философія „*Ѳалесовыхъ водъ*“ оказалась научной; но воды истаяли въ газы, а газы—въ вихрные атомы, т. е. въ тѣ же монады (и Лоджъ населяетъ пространства нематеріальными обитателями).

Бездна нижняя перекликнулась съ верхней: и кризисъ мысли стучится!

43.

Въ Александріи столкнулись два мига—въ одинъ: Вѣчность встрѣтилась съ мигомъ; мигъ бросился въ Вѣчность; произошла катастрофа; и на пути посвященія въ мысль испытаніе мыслью Александрійскимъ сознаніемъ не было принято; оттого и сознаніе Александрійца—есть образъ—

Съ темными пятнами впадинъ
Провалившихся странно
Глазъ —

Его, этотъ образъ —

Проволокли
Точно желтую палку,
Забинтованную
Въ шелестящія пелены —
Безъ словъ
И безъ вѣры
Въ воскресеніе —

— то есть во мракъ „гносеологическаго“ сознанія: въ пещеры и лабиринты исторіи философіи начала XX вѣка, гдѣ оно почиваетъ доселѣ невоскресающей муміей; въ осознаніи нами въ себѣ этой муміи мысли—наростающій кризисъ ея.

44.

Александрійскій періодъ...

Въ причудливостяхъ пересѣченныхъ культуръ— прорѣзь чаяній о единствѣ всего мірового; но нѣтъ его; передъ нами обломки груды поверженныхъ храмовъ, и грохотами упадающаго Іерусалимскаго Храма и Серапеума подаетъ голосъ свой:

— „Близка гибель міра!“

Будтобы: изъ расколотыхъ гробовъ огромнаго прошлаго передъ нами проходятъ, одѣтые въ миѳы, какъ въ саваны, Аполлоній Тіьнскій и Симонъ.

Никомахъ, Сатурнинъ, Василидъ, Валентинъ повѣствуютъ о таинствахъ бытія божества: образы Ахамота, Софіи и Офиса стоятъ передъ нами; безумнымъ романомъ течетъ намъ вселенная; изъ муже-женскаго Биѳоса, бездны, истекаетъ цѣпь эоновъ; Духъ, первый эонъ, зритъ Истину, свою супругу, рождая съ ней Разумъ и Жизнь; тѣ рождаютъ уже Человѣка; падаютъ цѣпи эоновъ, развивая въ паденіи страсть къ источнику совершенства, страсть межъ безднами—образъ влюбленной Софіи; эоны принимаютъ участіе въ ея страсти; въ романическихъ катастрофахъ міра течетъ намъ вселенная и міръ страсти нашей, вторая Софія, рождается изъ страсти Небесной; и эта вторая Софія— бросается въ хаосъ; текутъ воды изъ слезъ ея; а изъ улыбки струятся ея: лучезарные свѣточи; матеріей оплотнѣваютъ печали Софіи.

Происхожденіе міровъ и боговъ—будто страстный романъ.

45.

Александрійскій періодъ—есть сказка, неуловимая новизна; но обломочный міръ погибающихъ въ ней, непроцвѣтшихъ культуръ, уловимъ. Александрійскій періодъ—гробница; въ ней сгниваетъ все прошлое; въ ней оно—только хаосъ бушующихъ савановъ; мы видимъ: изъ савановъ вылетаетъ Психея всей греческой жизни: падаетъ въ бездну Духа. И она—непорочна, какъ снѣгъ. Многодумна, какъ ночь.

„Вся ты въ огняхъ, какъ полярное пламя
Темнаго хаоса свѣтлая дочь".

Вл. Соловьевъ.

46.

Александрійскій періодъ—какое-то: *на да не то*; въ немъ смѣщаются всѣ предметы; точка же смѣщенія не дана; кажется, все осталось попрежнему; и ничто не достигнуто; все же—внутреннее потрясеніе сказалось; оно зажило въ недостигнутыхъ образахъ будущей жизни мысли; такъ въ самый мигъ потрясенія потрясеніе не разрушило быта жизни.

И навѣрное, не пресѣклась жизнь будней въ минуты Голгоѳы; и—въ мигъ воскресенія.

Александріецъ, передающій намъ пресѣченіе исторіи мысли и жизни—можетъ быть угаданъ въ неврозѣ; можетъ быть онъ страдаетъ: истеріо-неврастеніею, заболѣваніемъ вазмоторныхъ нервовъ; и—прочимъ.

Александріецъ воистину потрясенъ въ ощущеніи ему зримымъ и оку незримымъ Видѣніемъ. Собственно, и Видѣнія нѣтъ: и оно въ немъ — „какъ бы".

47.

Сознаніе грека—рѣзецъ; а понятіе—скульптурное изваяніе; образъ мысли есть миѳъ; содержаніе миѳа—понятійно въ болѣе поздній періодъ; отъ миѳической къ діалектической формѣ стремится мысль грека; и отсюда она устремляется къ формованію чувственности.

Въ величайшихъ размахахъ позднѣйшихъ періодовъ мысли источники мысли разсудочны; разсудочно расширеніе понятія до идеи; положеніе идей въ „внѣ-разсудочномъ" совершается посредствомъ разсудка; вылѣплено со стороны его формы разсудкомъ *„единое"* у Платона; самое представленіе о немъ есть его облѣпленіе средствами разсужденія; такъ въ идеѣ Добра въ платонизмѣ взятъ въ сознаніе человѣка... еще разсудкомъ и Богъ; самое надѣленіе существеннымъ бытіемъ идеальнаго міра поэтому есть вписаніе въ Духъ лишь очищенно взятыхъ понятій. Разложи мы ихъ по рядамъ ремесленныхъ представленій науки, они будутъ разсудочны.

До систематики своихъ мыслей Платонъ не возвысился діалектически; къ этому приближался онъ все же. Нѣтъ системы Платона. Но есть систематика Аристотеля; разноустремленности діалектики обоихъ мыслителей связывались бы единствомъ

[illegible], [illegible] подлинно система мыслей Платона; обоихъ [illegible] [illegible]ственно разсѣкаемъ поэтому мы; такъ мы [illegible] Платона къ Плотину; мы сдергиваемъ огромнаго [illegible] до механической логики; мы неправильно очерств[illegible] его; мы неправильно наполняемъ Платона мало свойственной мистикой.

Въ платонизаціи подорвано кипѣніе жизни мысли Александріи, а въ ея подрывѣ—подрывъ: жизни мысли Христовой.

Платонизація—грѣхъ исторіи мысли и—причина ея тупиковъ: до Кантіанства включительно.

48.

Систематическое изложеніе понятій предполагаетъ не мертвое возлежаніе ихъ въ мертво оформленномъ Разумѣ: а описаніе кипѣнія ритмовъ мыслительной жизни въ живо данной странѣ: произрастаніе, процвѣтаніе ихъ; здѣсь идеи—летучія существа страны мысли и—описуемы танцы ихъ. Ихъ не знаетъ Платонъ, потому что средствами дѣйствій разсудка онъ обводитъ страну жизни мысли: обводитъ пунктиромъ; оттого-то вотъ—его идеи пунктиръ; оттого-то вотъ: пунктиръ, его Богъ; разумѣется не у Платона пунктиръ его Богъ; а въ дальнѣйшихъ раскрытіяхъ Платоновой линіи Мысли. У Плотина не то: Платоново представленіе идеи продавлено въ Бога; и въ идею продавлено бытіе всѣхъ вещей; но лежитъ, не кипитъ бытіе всѣхъ вещей въ лонѣ вѣчной идеи; исправленіе представленій о

мѣстѣ идеи дано: не дана ея жизнь. Надъ матеріальною чувственностью діалектически окрыляются мысли чистаго грека и они оскульптурены. Перевернутымъ тѣневымъ представленіемъ о Платоновой формѣ, понятіемъ, иносказательно живописуетъ Плотинъ намъ о стадіи упаданья идеи въ разсудокъ; живописуетъ духовную мысль, живописуетъ душевную умственность; иносказаніе стираетъ въ Плотинѣ самую скульптуру понятій; смыслъ идеи въ себѣ понятъ имъ; примѣненіе же понятій „единство", „единое", къ уразумѣнію сверхъ понятійной жизни идеи создаетъ его графику уплощеній прекрасной скульптуры понятій; неправильно понимаетъ „идею въ себѣ" платонизмъ, но находитъ прекрасную, ясную форму своихъ выраженій, категоріальное пониманье идеи проходитъ блистательнымъ барельефомъ; онъ даетъ ряды аллегорій, въ которыхъ свободно ютятся: и символики духа, и логики, но духовное содержаніе платоновыхъ аллегорій позднѣйшею мыслью отвергнуто; и разложены аллегоріи всѣмъ ученіемъ о законахъ понятійной жизни.

49.

Образно говоря: — представленіе объ идеѣ у грека александрійцемъ положено внутрь его представленій о духѣ: и внутри страны Разума грань двухъ сферъ представленій; какъ бы стерта она; лишь впослѣдствіи намѣчается, углубляется, рас-

нарисуется вся черта; превращается в[illegible] бездну смы-
въ [illegible] бездны—исторія филос[illegible]фіи: отъ Де-
карта до... нашего времени...—

— Мысли грека и мысли алексан[illegible]дрійца сперва предстоятъ намъ въ подобіи сближе[illegible]нныхъ ядеръ кометъ, развивающихъ отъ себя д[illegible]а хвоста; въ нихъ и—въ дали; при внимательном[illegible]ъ уразумѣніи смысла обоихъ періодовъ мысли о[illegible]и выглядятъ намъ: удаленными другъ отъ друга к[illegible]ометами, развивающими навстрѣчу хвосты; и хвосты [illegible]тѣ сливаются всей исторіей философіи: отъ Платона[illegible] до... честной, огромной системы; косноязычный на[illegible]мекъ на нее намъ прорѣзанъ впервые изъ хаоса [illegible] Александрійскихъ обломковъ; подъ синкретическо[illegible]й формою мы провидимъ: огромности духовнаго соде[illegible]ржанія.

50.

Отношеніе Александріи и Греціи [illegible] напоминаетъ намъ конусы, опрокинутые другъ н[illegible]адъ другомъ: черта—между ними.

Расширяется до идеи въ одномъ[illegible] заостренная скульптура понятій и до понятійных[illegible]ъ взятій идеи въ другомъ упадаетъ идея; (но эти [illegible]взятья—„какъ бы“); неодолима черта межъ мірами [illegible]„идей“ и „понятій“; понятіе объ идеѣ—абсурдъ; опр[illegible]едѣленіе идеи понятіемъ разума есть кощунственн[illegible]ый въѣздъ на конѣ разсудочныхъ предпосылокъ въ [illegible]храмъ разума.

Въ Александрійскомъ періодѣ вид[illegible]имъ мы: вырѣзаніе нерукотворнаго храма мысли [illegible]разсудкомъ; и оттого оно выглядитъ: вырѣзаніемъ воз[illegible]духа; видимъ—

линіи вырѣзовъ воздуха; храма мысли не видимъ; получается нѣчто въ родѣ „писанія вилами по водѣ“; и такое „писаніе вилами“—Александрійскій періодъ.

Оба конуса мысли—Александрія и Греція—отдѣлены другъ отъ друга: перво-сущее у Плотина сужается въ міръ духовной-душевности; чувственность у него не пронизана духомъ; между солнцемъ Плотина и нами—покровъ; сказъ о солнцѣ есть сказъ чрезъ понятіе; оттого-то онъ есть „несказуемый сказъ“.

Въ эротическомъ окрыленьѣ Платона возносимся мы въ міръ идей; но окрыленіе это—душевно-тѣлесно; и красочность идеальнаго міра есть поэтому чувственность.

Линія раздѣленія конусовъ—осознаніе граней разсудка; въ Александріи и Греціи нѣтъ его; и оттого-то: *разбитіемъ* выглядятъ всѣ попытки *развитія* Платоновой мысли; мысль, ударившись о разсудокъ, повергнута; въ умѣніи править страстью — преодолѣніе граней: и—стоицизмъ передъ нами; или: въ чувственность упадаетъ мысль, отрицая себя: скептицизмъ.

51.

Скептицизмъ, стоицизмъ—обвалъ мысли Греціи; мысль срывается съ кряжей: Александрійскій періодъ—огромнѣйшій перепрыгъ души мысли въ духѣ мысли; и поэтому—выпрыгъ онъ, намъ являющій эпилептическій припадокъ чувственно рожденныхъ понятій; тѣло мысли здѣсь корчится: духъ не сошелъ въ него.

52.

Мысли вылѣзли изъ утробы земной: земныя мысли въ еврействѣ; мысль въ кипѣніяхъ крови прорылась сквозь кровь; и кипѣніе крови мыслью—пророчество; обратное: образованье паровъ надъ кипѣніемъ родовой, кровной жизни есть мысль древней Греціи; въ поздней Греціи образованіе мыслей—осадки: облако струитъ дождь: атмосферична мысль грека. Голубой покровъ атмосферы—она.

Въ Александрійскомъ періодѣ воздушная атмосфера разорвана; солнце грека изъ неба упало, какъ Фаэтонъ; сорваны лазури вселенной: небеса свились свиткомъ; черна верхняя бездна: въ нее—звѣзды новаго Космоса смотрятъ, какъ въ разбитое темя вселенной; въ нее сыплятся метеориты изъ мыслей.

Бездна неба здѣсь бросилась въ темя Платоновой мысли; въ бездну падаетъ ветхая мысль; но паденіе это начинаетъ выглядывать малокровнымъ разсказомъ въ понятіяхъ: о ступеняхъ схожденія Сущаго, объ отношеніи къ Логосу ихъ—къ душѣ міра и къ намъ.

Межъ Александріей и Греціей нѣтъ еще буфера въ видѣ линіи мысли отъ блаженнаго Августина до нашихъ дней; паденіе Александріи на Грецію здѣсь поэтому выглядитъ: разбитіемъ черепного покрова: ударомъ болида о темя; здѣсь кометный блескъ зажегъ мозгъ; отраженіемъ сожженія мозга—погашеньемъ сознанія—перевернуто представленіе о главѣ человѣка; она нынѣ, разъятая, раскалена

экстатически; конусъ свѣта, простертый надъ нею, есть протянутый за кометнымъ ядромъ его хвостъ, прободающій самое кольцо Зодіака; такъ съ безмѣрностью Космоса сопрягается сознаніемъ человѣкъ; окрыленная человѣчья глава—это ангелъ:

Въ волнѣ золотистаго хлѣба
Попрежнему вѣтеръ бѣжитъ.
Попрежнему нѣжное небо
Надъ зорями грустно горитъ.
Въ безмѣрныя, синія зыби
Лети, литургія моя:
Въ землѣ, упадающей глыбѣ,
О Небо, провижу Тебя.
Восторгомъ меня преисполни,
Родной стариною дыша:
Изъ свѣточей, блесковъ и молній
Сотканная, плачетъ душа.
Все вспомнилось: прежнимъ привѣтомъ,
Слетаетъ въ невольный мой стихъ
Архангелъ, трепещущій свѣтомъ
На солнечныхъ крыльяхъ своихъ.

Ангелологія соединяетъ по новому намъ землю, воздухъ и небо: въ сознаніи человѣка. Іудея, Греція и Египетъ—встрѣчаются.

53.

Александріею прорастаетъ Греція въ Іудею: Египетъ бросается въ Грецію.

Соединяются: *западъ* съ *востокомъ;* и—вѣра со знаніемъ.

Въ тѣло міра вростаетъ скелетъ мысли Слова; и оттого просвѣтляется духовѣдѣнье храмовыхъ іерофантовъ въ Гермесовы мысли; мысли Слова, слагая планеты, вращаютъ планеты: бѣгутъ намъ планеты, бѣгутъ въ насъ планетности; въ переложеньѣ, сложеньѣ, вращеньѣ свѣтилъ, освѣщающихъ смысловъ и мысленныхъ свѣточей—образованіе, нарастаніе, процвѣтаніе, благоуханіе разбухаемыхъ смысловъ и истинъ въ непрерывной текучести; въ самомъ движеніи планетарныхъ, тяжелыхъ шаровъ, здѣсь прорѣзанной силой мысли положенъ магическій импульсъ.

Въ землѣ, упадающей глыбѣ,
О Небо,—провижу Тебя!

Здѣсь, въ мерцаніи звѣздъ, прорѣзается тайное человѣческихъ устремленій, потому что міръ меня мыслитъ; и во вселенной слова—мои. Мысленна, ангелична природа; мысленна, ангелична—природа моя; связь природъ—въ „*я*" всего.

Это „*я*"! Но оно вотъ открыто:

Открылось!.. Вѣетъ весенняя, ударъ молніеносный, —
Разорванный, пылающій, блистающій покровъ!
Въ грядущія, громовыя, блистающія весны,
Какъ въ радуги прозрачныя спускается... Христосъ!

54.

Въ ступеняхъ углубленія самосознанія нашего намъ дано обличеніе состоянія сознанія духовъ; и состояніе сознанія ангела постигаемо въ состояніи

сознанія человѣка; Ангелъ подлинно видимъ мнѣ; ангелу подлинно я открытъ, какъ лежащая книга предъ нимъ на престолѣ изъ тѣла: стоитъ надъ престоломъ, читаетъ меня.

Въ умѣніи мнѣ открыться ему—мнѣ умѣніе его слышать даровано; въ произнесеніи имени моего чистымъ духомъ впечатлѣніе имени ангела мнѣ открыто: произношу его: „вѣстникъ". Такъ и всѣ мои впечатлѣнья—печати; Ангеломъ пропечатаны насквозь мои впечатлѣнія о мірѣ: напечатлѣнья ангельскихъ ликовъ въ бродилѣ матеріи; впечатлѣнія человѣка прорабатываютъ и весь внѣшній міръ; а воспріятія міра—пріятіе правды; въ осуществленіяхъ моей жизни впервые творится: дѣйствительность собственно.

Таково заданіе Александрійскаго періода мысли: преображеніе плоти міра въ дѣйствительность Ангела.

Заданіе осуществится... въ грядущемъ: духовной наукою.

55.

Здѣсь, въ филоновой философіи и въ герметическихъ книгахъ—еще небывалыя зори не взошедшаго Солнца; но—зори потушены.

Солнце мысли встаетъ изъ полуночи: подъ-сознанія; разбиваетъ пороги его; и чудовищной прорѣзью входитъ въ мысли его; познанію запорожныя части суть—міръ; въ этомъ мірѣ есть Солнце: оно—полуночно; стояніе посрединѣ души сотворяетъ во внѣ блѣдный отблескъ его: таково свѣтило дневное.

Солнце подлинно — въ серединѣ души; свѣтъ единственный — просвѣщающій Свѣтъ—свѣтъ логическій: его дѣйствіе въ оболочкахъ душевности, прячущихъ духъ нашъ отъ тѣла, есть свѣтъ просвѣтляющій тѣло: Ѳаворскій. Просвѣщеніе за порогомъ дневного познанія непросвѣтленнаго сознанія нашего—низведеніе въ землю огромнаго, мірового свѣтила: схожденіе Слова.

Повѣствованія евреевъ о времени схожденія Слова—въ этомъ смыслѣ—разсказъ: объ отношеніи Мысли къ мірамъ нашей жизни; здѣсь исторія, да и самое время — подобія просвѣщенья сознанія. Здѣсь наука о звѣздахъ есть „*панъ-логизмъ*“, неотвлеченный, какъ гегелевъ, но влитый въ кость мускуловъ жизни.

Здѣсь, въ исторіи мысли, встрѣчаетъ насъ первая прорѣзь воистину воплощеннаго представленія объ идеѣ; въ системѣ оно не дано, а загадано въ сочетаніи началъ мысли Филона, Гермеса, Іоанна; и загадано въ мощномъ подобіи Іезекіилевыхъ многоочитыхъ колесъ, четырехъ животныхъ и Слова, надъ ними парящаго; здѣсь загаданъ весь Гегель; и Гете загаданъ здѣсь тоже.

56.

Философіи Александріи есть темное покровеніе Откровенія. Покровеніе не случайно, конечно; смыслъ его въ разслоеніи культуръ былой мысли и жизни; точка новаго откровенія переносится въ новые, глубинные горизонты; слои мысли, лежащіе

между ними и новыми горизонтами мысли—масштабъ; въ проницаніи слоевъ мысли до насъ новоявленнымъ свѣтомъ сознанія—вся исторія новой мысли; точка новаго свѣта въ немъ прорастаетъ лучомъ, какъ зерно протянутымъ колосомъ; проницаніе колосомъ свѣта покрововъ есть ихъ прорастаніе философіей, логикой и наукой; оно есть уже въ Проклѣ. Въ гуманизмѣ мы видимъ процвѣтшими александрійскія пелены истинъ мысли; Александріи не видно подъ ними: она вся—въ перегноѣ; въ зеленяхъ просвѣщенія новоявленной Греціи ренессанса остается закваска ея; на ея дрожжахъ всходитъ тѣсто; нѣтъ вскипанія въ правилахъ христіанства, въ догматахъ Церкви; есть насильственное извлеченіе изъ непрокисшаго тѣста дрожжей. Преждевременна безпокровность открытаго въ упрощеніяхъ протестантства; преждевременно положеніе предѣла для гнозиса въ догматѣ. Преждевремененъ свѣтъ безъ покрововъ; онъ намъ явленъ въ покровахъ: свѣтъ солнечный; еще даже покровъ—свѣтъ Ѳаворскій для подлинно Свѣта; этотъ Свѣтъ все еще покровененъ; преждевременное разоблаченіе Свѣта въ исторіи мысли поэтому выглядитъ: угашеніемъ Свѣта; сдернутые покровы съ него—жалкій трупъ нашей жизни: столкнутъ трупъ въ пустоту. Тамъ, гдѣ Духа искали, уже не было Духа: на небѣ; ужъ Духъ сошелъ въ землю, прорастая въ ней безграничной свободою исканій; въ небѣ былъ огромный футляръ, заключающій пустоту. Небеса астрономіи—суть пустая громада сшедшаго изъ нея въ землю Духа. Въ Немъ возстанетъ земля.

Третій день не исполнился: ждемъ его.

Нынѣ Духъ данъ намъ въ импульсѣ кипѣнія жизни, возстанія „тѣста"; пусть возстаніе выглядитъ бунтомъ; намъ бунтъ просвѣтится въ извлеченіе Духа изъ жизни, положеніе Его за предѣлы обнажаютъ—намъ гробъ и футляръ; невозставшую плоть въ нихъ томятъ *„непостижники"*; оставляютъ невскрытымъ они прорастаніе зеренъ свѣта; и—зерна гноятся; прорастаніе—въ томленіи всей стремящейся твари, въ горѣніи твари; *„непостижники"* эту тварь собираютъ въ стада: и утучняютъ ее на... съѣденье.

57.

Все боящееся, не свободное, двоящееся, и до сей поры тянется къ гуманизму Гусса и Бруно... одною рукою: другою сжигаетъ ихъ; современные пастыри стадъ ими согнанной въ кучу твари пусть выскажутъ намъ открыто и честно: свое отношеніе къ гуманизму, чтобы и мы твердо знали, съ кѣмъ мы: со *„святымъ"* Костромъ или съ свѣтомъ... гуманности, а то свѣтъ начинаетъ порою чадить.

Онъ—не отблескъ Костра ли?

58.

„Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ".

Просвѣщаемы александрійскіе обломки культуры: просвѣщаемы устремленія Аполлонія; просвѣщаемы даже... хулители свѣта.

Подозрѣванiе духовныхъ порывовъ есть мерзость; подозрѣванье улыбки Джiоконды—развратъ; монну Лизу мы созерцаемъ невинно; разсужденiе о развратности произведенiй искусства вторично сжигаетъ: Джордано Бруно и Гусса; насъ ведетъ на утонченный костеръ; и, конечно, срываетъ съ извѣстнаго Московскаго зданiя ему присущую надпись:

— „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ".

59.

Александрiи пригрезились пульсы сложенья культуръ и процесы духовнаго возставанiя культуръ въ человѣкѣ; интуицiя—средство узрѣнiя; страна возставанья—*Θеорiя*; но летающiй пульсъ оборвался: онъ жалокъ и бѣденъ.

Въ Александрiйскомъ перiодѣ выраженъ моментъ элеатства; гераклитическiй вихрь измѣненiй многоразличiй единаго плавитъ, правда, застылое бытiе въ перипетiи космической жизни у подлинныхъ гностиковъ; все же часто онъ тушится; и полнокровный разсказъ подмѣняется безкровiемъ схемы; и текучiя превращенiя сущаго во многомъ густятъ ритмъ разсказа: аритмiи разсудочныхъ схемъ, барельефы изъ чувственно понятыхъ миѳовъ—расщепы единаго; борьба съ чувственнымъ пониманiемъ миѳа въ Александрiи диктуется чувственнымъ отношенiемъ къ образу; метаморфоза духовныхъ наглядностей подмѣняется генеалогiей плоскаго; нетекучее пониманiе жизни духа уплотняетъ духовную жизнь, угашая въ ней строющiй ритмъ;

чувственно образы выпирають изъ ритма, а ритмъ, не впечатанный въ образъ, смерзается въ кое-какъ надѣтую схему; и въ животно-понятой мистикѣ, въ черственѣніяхъ убогихъ абстракцій—миѳы, взятые такъ, рвутъ свой собственный идеальный смыслъ.

Высота интуиціи при попыткахъ ее такъ оформить—косноязычіе упадочной мысли; и просто мертвою теокрасіей теряющихъ вѣру людей здѣсь становится расположеніе миѳовъ по ритму.

Передъ нами стоитъ Вавилонская башня случайно нанизанныхъ фактовъ. Въ Александріи встаетъ Вавилонъ.

Вавилонъ и Содомъ.

60.

Роковой разрывъ Греціи на „*Востокъ*“ и на „*Западъ*“ является столкновеніемъ мысли и миѳа, „*Запада*“ и „*Востока*“; то-есть столкновеніе западныхъ и восточныхъ каркасовъ: понятія съ вещно воспринятымъ обрядовымъ символизмомъ; Александрійскій „*Востокъ*“—по существу не „*Востокъ*“ и не „*Западъ*“—онъ являетъ попытку прорыва пространствъ и временъ въ неизъяснимыя измѣренія мысли; и вхожденіе въ сознаніе сверхъ-сознательныхъ высей рисуетъ онъ.

Онъ какъ бы говоритъ:

„Я засыпалъ (стремительныя мысли
Какими-то спиралями виясь;
Пріотрывалась въ созвающемъ смыслѣ
Сознанію неявленная высь...)

И видѣлъ духа... Искрой онъ возникъ:
Какъ молнія, неуловимый ликъ
И два крыла—сверлящія спирали—
Кровавымъ блескомъ разрывали дали.
Открылось мнѣ: въ законахъ точныхъ числъ,
Въ бунтующей, сознательной стихіи
Не я, не я—благія іерархіи
Высокій свой напечатлѣли смыслъ".

Смыслъ его въ преодолѣніи „*Запада*" и „*Востока*"; этотъ смыслъ исказился въ немъ: преодолѣніемъ каркасовъ каркасами религіозной догматики.

„*Востокъ собственно*" въ разверзаніи утробъ подсознанія, угрожающемъ поглотить въ себѣ чистые перлы новорожденной, младенческой мысли.

Въ Александрійскомъ періодѣ не подымался еще поднимаемый нынѣ вопросъ:

„Какимъ же хочешь бить востокомъ
Востокомъ Ксеркса иль ...Христа?"

Вл. Соловьевъ.

Въ преодолѣньѣ культурой каркасовъ „*Востока*" и „*Запада*" каркасами религіозной догматики начинаютъ впослѣдствіи бить струя—гунновъ, турокъ, арабовъ, татаръ: затопляя огромные континенты, откуда вытарчиваютъ архипелажные острова „*Востоко-западной*" мысли, эти струи народовъ живописуютъ извнѣ намъ возстаніе подсознательныхъ водъ „*Востока*", силящихся переполнить внутреннія пустоты вывѣтренныхъ континентальныхъ породъ сознанія нашего. Мысль, не взявшая Логоса, повернулась назадъ, на Содомъ, остановилась предъ сѣр-

немъ расщепомъ: и изъ этого „кладезя бездны“, ...ейской разсѣлины,—вылѣзать сталъ... Атилла!

Подлиненъ ужасъ Грека къ его породившей утробѣ до... отсутствія пафоса къ чадородію; святъ еврей въ чадородіи; обращеніе эллинизма къ чистѣйшимъ истокамъ еврейства искажаетъ жестъ Грека въ поступокъ Эдипа; въ чревномъ хаосѣ стережетъ Грека ужасъ; и пріятіе архаической Греціи сознаніемъ нашимъ ввергаетъ насъ въ бездну.

Архаическій эллинъ, Тютчевъ,—онъ правъ въ своемъ возгласѣ:

„О страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой:
Подъ ними хаосъ шевелится“.

Не боится тутъ Гете, потому что онъ—поздній эллинъ, всѣмъ заданіемъ жизни повернутый... къ продолженію Александрійскихъ заданій, воспринятыхъ не путемъ изученія Александрійскихъ архивныхъ обломковъ, а—воспринятыхъ въ Духѣ.

61.

Въ Александрійскомъ періодѣ подлинно тяготѣніе къ соединенію „*Запада*“ и „*Востока*“; тяготѣніе было огромно, огромнѣй стремящихся; перегруженная тяжестью проволока иногда теряетъ упругость; перегруженіе тяготѣніемъ деформировало Александрійскій періодъ, возникшій въ чрезмѣрностяхъ; и выразилось въ отсутствіи соединенія ритмовъ западныхъ и восточныхъ культуръ; въ Александріи Греція аритмична; воспроизведеніе мелодіи

ея подчинено метроному. Миѳологемы не пляшутъ въ ней: ихъ кто-то сухо выстукиваетъ; въ Александріи же аритмиченъ Востокъ: гдѣ пышность образовъ Индіи, гдѣ блистающій Соломоновъ Храмъ? Палъ. Гдѣ пульсація солнечныхъ пѣсенъ Персіи? Гдѣ блещущій Ахурамаздао? И—гдѣ острота Заратустры? Самое Живоглядное Солнце дается какъ тяжкая митра жреца Культа Митры; золотая митра — есть форма, гнетущая голову.

Александрійскій періодъ являетъ сложенье каркасовъ въ „востоко-западъ" огромной тяжелой идеи: централизаціи; централизація — оплотнѣніе ритма единства; оплотнѣвшая дѣйствительность возстаетъ передъ нами; въ Государственной, римской идеѣ; но въ идею ту — входитъ „Персъ"; централизація подмѣняется деспотизмомъ: а право — правящимъ; обожествленіемъ самовластія въ „западъ" влился „востокъ". „Нутро" древняго грека преждевременно здѣсь перекинуто надъ верхнимъ порогомъ сознанія нашего и появилось... на тронѣ. Александрійскій періодъ себѣ не поставилъ вопроса:

„Какимъ же хочешь быть востокомъ:
Востокомъ Ксеркса иль... Христа?"

Но появился отвѣтъ на сознаніемъ не вскрытый вопросъ.

Отвѣтъ?

Ксерксъ. Геліогабалъ.

Осуществленіе Ксеркса на западѣ есть разломъ Рима собственно на Византію и Римъ; а вобраніе ритмовъ единства въ себя государствомъ (включеніе

изъ созидательной выси въ хоромы сознанія) осуществилось: соединеніемъ Государства и Церкви; противорѣчія устремленій здѣсь скрыты въ Церкви въ одновременномъ желаніи и хоромами овладѣть, и—отдать себя имъ. Въ цезаропапизмѣ, въ стремленіи къ восточному рабству—находимъ все это.

Александрія не справилась съ устремленіемъ: обезумѣла въ прыжкѣ своемъ, надвое расколовъ человѣка: на главу и сердце; прыжокъ не удался; Александрія упала въ дѣйствительность, какъ въ свой собственный ею же сложенный гробъ (въ Византію и въ Римъ). Вознесеніе въ страну Духа обернулось въ ней прозаическимъ путешествіемъ по Средиземному морю; и—только.

Александрія преставилась.

Ея духъ—не угасъ.

62.

Ритмъ роста мысли отъ Греціи собственно къ Греціи Александрійской напоминаетъ намъ эпилепсію.

Вдругъ заданія грековъ—невѣроятно прозрачнятся: на могучихъ, крылатыхъ размахахъ ненормально расширена самая платонова мысль; чувствуешь вдругъ себя изъ себя извлеченнымъ, изъятымъ: бренно органы тѣла опали осенними листьями; ощущеніе, зрѣніе, слухъ—заструились стремительно, пролетая радужно мимо; и улетѣвъ—въ *никуда*.

Несказуемо переживаніе александрійца въ его посѣщающей правдѣ: запечатлѣть, увидѣть, понять невозможно; пониманія, мысли, понятія—все летитъ предъ тобою и шепчетъ тебѣ свою правду; ты—полонъ разсказомъ вещей, улетающихъ въ нѣмое безвещіе; ты мгновенно узрѣлъ; ты—*услышалъ*; ты—*понялъ*; разоблаченъ ликъ вселенной въ своемъ объясняющемъ стержнѣ; но глазами, но ухомъ его не уловитъ никто, потому что спадаютъ очками глаза; уши тоже — не уши: наушники; и они тоже спали; языкъ—отвалился.

Чувствуешь, что не вынести страшной ясности зримой, неринутой мысли; и невольно въ испугѣ хватаешься за лежащіе предъ тобою—языкъ и глаза; облекаясь въ нихъ, путаешь; говоришь расширеннымъ окомъ; взираешь словами.

Облеченіе въ органы чувствъ есть удары о нихъ въ мгновеніи вознесеннаго духа, переживаемые страшной катастрофой перемѣщенья, смѣщенія органовъ.

Александрійскій періодъ есть взглядъ—безъ единаго слова; такой взглядъ — говоритъ; или же: Александрійскій періодъ есть тоже спѣшное низаніе словъ; и — слѣпое, хоть — звучное (филологическое заданіе ярко: глоссоліалія—ярка); въ этихъ звучностяхъ грохотъ паденья громовъ ангелической мысли; но разрѣшается грохотъ паденія: корчами.

Александрійскій періодъ есть корчи: внутри жизни мысли; ею зримое тамъ — ея бренный разрывъ въ страну чистаго Духа.

Причина припадка — въ незрѣлости: мысли молній въ головѣ — голова не выноситъ еще: разрывается мозгъ; въ головѣ муравейники мыслей, палимые *молніей*; опаленный остатокъ сознанія, не излитый, стоитъ передъ нами кретиномъ: кретинъ гримассируетъ схемами и румянится миѳами; надѣваетъ пестрѣющій хитонъ и запястья Востока, бѣжитъ, отъ ударовъ палящихъ, разительныхъ молній въ глухіе покровы природы: кроетъ голову розами, кроетъ тѣло объятіемъ; и подъ покровомъ природы, спасенный природою, начинаетъ низать онъ слова въ тончайшія научности Филологіи, уподобляя трескъ словъ громовымъ раскатамъ — *оттуда*; и пытаясь риторствомъ извращенныхъ понятій изобразить блески видѣнной молніи.

Александріецъ—филологъ, философъ и риторъ— это нервнобольной: пожалѣемъ его.

Александрійскій періодъ есть огромное извращенье понятій платоновой философіи, гдѣ послѣдняя выглядитъ только жалкимъ разсказомъ о своей надъ-платоновой высотѣ, о пирахъ чистой мысли внутри интуиціи; неугасимая тоска по идеѣ, невыразимой, незримой, взрываетъ въ немъ темные вопли страстей: и вторая Софія—предъ нимъ возникаетъ томленіемъ чувственной жизни, въ которомъ онъ ищетъ конкретностей, невыразимыхъ словами; не утоляетъ и чувственность: Александріецъ кричитъ ею намъ о своихъ сверхъ-чувственныхъ высяхъ; и ломая въ себѣ свои чувства, онъ ихъ извращаетъ.

63.

Молніи въ мысли, нежданно сразившія мысли,— суть отблески другой, яркой молніи: молніи сошествія Логоса; отблески въ головѣ, и отблески въ сердцѣ,—пока только отблески!

А сраженныя мысли безсильно и долго потомъ возлежали, не двигаясь, въ догматическихъ „*ракахъ*".

Въ сердцебіеніяхъ и головномъ искривленіи повторяетъ впослѣдствіи христіанство „*востоки*" и „*западъ*": головной ростъ схоластики все же есть развитіе Истины въ головѣ; а развитіе истины въ сердцѣ есть подвигъ Любовности; такъ развитіе мысли Логоса по исторіи пробѣгаетъ подъ тѣнями оболочекъ изъ мозга и сердца: подъ безсердечіемъ жалкихъ опытовъ мысли надъ бьющейся жизнью въ догматикѣ; подъ безуміемъ пламенѣній сердечныхъ, нежданно, безудержно хлынувшихъ изъ „безголоваго" сердца огромнѣйшимъ, инквизиціоннымъ костромъ.

Соединеніе головы и сердца исполнится: въ *мудромъ знаніи* сердца, въ *умномъ дѣланьи* головы— ждемъ его.

64.

Александрійскій періодъ — строительство храма мысли; но планъ взятъ изъ Греціи; матеріалы— обломки культуръ; вмѣсто пригнанныхъ камней мы видимъ: дорическій цоколь, отбитые лотосы капи-

телей Египта, голову ассирійскаго льва, лапу Сфинкса; въ непригоняемыхъ, пестрѣйшихъ частяхъ похороненъ самый планъ; требовалась работа тесанія, цементъ и возведенныя стѣны исторіи философіи, чтобы заполнить скачокъ отъ подножія... къ куполу; не доставало: методологіи, логики; не доставало системы наукъ въ нашемъ духѣ съ Когэномъ и Наторпомъ, чтобъ интуиція не легла непосредственно на уплотнѣвшіе миѳы; противорѣчія угрызающей совѣстью рвали душу александрійца; отвлеченіе—претило ему; и, однако, боялся онъ въ метаморфозахъ конкретнаго утопить ликъ Единства; если бы онъ былъ болѣе съ Гераклитомъ и менѣе съ элеатами, ему было-бы легче; онъ не силился-бы протягивать между случайными миѳами свои случайныя связи; паутинная работа понятій ему не подъ силу; мысль Платона въ видимомъ своемъ выраженіи черственѣла, выдавливая изъ себя чувственно разбухшіе миѳы: наросты на мысли; но въ невидимомъ взятіи мысли Александріецъ воистину слышалъ: гармонію Сферъ ея, гдѣ она, расширяясь, являла видъ конуса, отлетающаго отъ Главы двумя крыльями свѣта.

Поднятіе на высоты прозрачнитъ намъ воды; такъ поднятіе сознанія надъ собой опрозрачнило александрійцу лежащее за порогомъ сознанія древнее тѣло мысли: змѣевое туловище. Появлялся—„гадъ".

Соловьевъ говоритъ:

„Гадъ не виденъ подводный,
Да и скалъ не видать"...

Переступи сознаніе грани,—за верхнимъ порогомъ Сознанія пріоткроется панорама лежащаго за нижнимъ порогомъ; и *„гадъ“* будетъ виденъ.

Апокалиптика напечатлѣла „дракона“; въ катастрофическомъ періодѣ мысли передъ *видящимъ* возникало старинное тѣло сознанія: *звѣрь* являлся изъ бездны, грозяся сознанію.

Раздавались тогда голоса: „Гибель міра близка!“

65.

Образу до-Сократовой мысли, человѣкоглавой змѣѣ, противопоставили окрыленную главу человѣка... безъ тѣла: то—ангелъ. Но формующее начало, глава, есть сознаніе человѣка; содержаніе формированій для чистаго грека суть миѳы: змѣя; содержаніе формъ въ Александріи подчасъ—надъ главою парящія и безглавыя крылья: надъ-человѣческія конкретности страны Духа; проявленія жизни ихъ очень часто космичны; можетъ быть проявленія эти суть вращеніе кипящихъ колесъ, на подобіе „Іезекіилевыхъ“; прорѣзаясь въ главѣ человѣка, потрясали они; человѣкъ ужасался: вспыхивалъ пожаръ чувствъ; въ немъ сгорала дѣйствительность:

Мы ослѣпленные, пока въ душѣ не вскроемъ
Иныхъ міровъ знакомое зерно:
Въ моей груди отражено оно.
И вотъ—зажгло знакомымъ, грознымъ зноемъ,
И вспыхнула, и освѣтилась мгла...
Все вспомнилось; не поднялось вопроса—
Въ какія-то кипящія колеса
Душа моя, расплавясь, протекла.

66.

Въ интуиціи форма — одно съ содержаніемъ Мысли; и, ея механика — кровообращеніе огромнаго Существа.

Александрійскій періодъ все силится обнаружить, что Мысль — интуиція; что она — „*сама по себѣ*"; и — жива; что не я мыслю мысли: онѣ меня мыслятъ; въ помышленіи ихъ я себя нахожу въ данной мнѣ проблемѣ познанья „субъектомъ": и — только; все мое культурное творчество — осуществленіе меня въ строющихъ ритмахъ; и матерія — разломанный духъ. Александрійскій періодъ не выявилъ своей мысли въ отчетливой формѣ.

Но ясна она.

67.

Философія интуиціи должна-бы была проработать намъ двѣ системы воззрѣній: послѣ-платонову и до-сократову; соединить воедину ихъ. Александрія же обнаружила — лишь глубочайшій расщепъ. Внѣ механики мыслится организмъ живой мысли: подмѣняется анти-логосомъ Неокантіанскихъ сознаній выложенныя внѣ механики мысли страна живой мысли; живописуется эта страна; въ разсужденіяхъ Діонисія Ареопагита объ ангельскихъ іерархіяхъ дана эта живопись; характерна она; здѣсь открыта свобода символики; но свобода ведетъ къ уподобленіямъ чисто животнымъ въ иныхъ школахъ мысли; понятія располагаются розеткой вокругъ, образы давнихъ былей животно вползаютъ и об-

вьются вокругъ древа познанія; фигурируетъ снова *змѣя*; то—распятая, то—на древѣ; человѣкъ углубляется въ чувственное вникиваніе символа, въ немъ провидя страну жизни духа; жизнь становится „*животомъ*" а „животъ",—кишки,—это „*змѣи*"; аналогія жизни животностямъ переходитъ уже въ гомологію; понятія, истончаясь въ иносказательныхъ смыслахъ, намъ силятся перекинуть мосты отъ на- раслей къ ихъ корню въ генезисѣ; и понятія наши по отношенію къ этимъ понятіямъ,—плоски.

Проницаніе Логосомъ жизни въ теоріяхъ Логоса— подстановки: въ странѣ мысли цветаетъ не Христосъ, а искусственный представитель Его: познающій субъектъ, т.-е. *папа въ тіарѣ*; выметается жизнь за пороги схоластики; жизнь становится „*животомъ*", „*чревомъ*", „*поломъ*"; вдавленіе эротизма и пола въ страну жизни мысли есть обратное дѣйствіе: сверженіе „*папы въ тіарѣ*"; возставаніе *змѣя* надъ искусственною оградою догматизма; метафизика углубленія пола, какъ бы ее мы ни приняли, есть бунтъ гностицизма: противодѣйствіе преждевременному предѣлу познанія.

68.

Вмѣсто схожденія Бога „*во адъ*" нашей жизни передъ нами проносится: *окрыленная адская гадина*; потрясенные видомъ звѣринымъ, бѣжимъ за ограду изъ догматовъ: бѣжимъ отъ себя, разрывая себя на *змѣю* и на *ангела*; такъ становится жизнь неутомной борьбою; при движеніи вверхъ обнажается змѣевое

корневище; падаетъ человѣкъ; при попыткѣ уразумѣть „*свистъ змѣиный*"—потрясенъ человѣкъ: грозный ангелъ его посѣщаетъ и язвитъ пламеносным мечомъ; оба видѣнья—*пороги*; и оба видѣнія—*стражи*; преодоленіе „*стражей порога*"—въ дѣятельномъ углубленіи самосознанія человѣка. Раздѣленіе на добро и на зло не отметаетъ намъ зла; убѣганье отъ зла выглядитъ перегородкой внутри человѣка; верхняя его часть здѣсь не вѣдаетъ жизни нижней. Человѣкъ, познающій себя,—многоочитый, крылатый, хвостатый и голубино-змѣиный; преодолѣніе зла не достигаемо отметаніемъ; достигаемо внутреннимъ уразумѣніемъ злодѣяннаго ритма; въ манихействѣ встрѣчаемъ попытку переплавленія зла.

Манихейство не понято.

Манесъ—это „*манасъ*": „Манасъ"—духъ въ человѣкѣ: достигаемъ онъ при овладѣніи „*я*" надъ астраломъ: и схожденье „*во адъ*" есть при этомъ; есть и встрѣча съ „*порогомъ*". Манесъ волилъ „*манасъ*".

Слабое „*я*" человѣка, субъектъ, потрясенный видѣніемъ ада,—закрылся отъ ада... огромной тіарою; дѣятельное схожденье человѣка „*во адъ*" не исполнилось; отвергнули Голгоѳу страданій самосознающаго „*я*"; чистый Голубь духовности не сошелъ: черный воронъ, познаніе философскихъ абстракцій,—спустился: и—каркалъ... столѣтія.

69.

Манихейство провидѣло линію устремленія человѣчества; и его не даромъ связуютъ съ легендами о Кругломъ Столѣ.

70.

Міровая жизнь Греціи переживалась въ хвостѣ; въ конусѣ сошедшаго свѣта; и—въ чашѣ, пріемлющей Голубя, переживалась жизнь послѣ.

„Вотъ—чаша благодатная, исполненная дней...
И огненные Голуби изъ огненнаго воздуха
Раскидываютъ свѣточи, какъ два крыла, надъ ней."

Эта чаша—верхняя часть человѣка; края чаши—черепъ съ открывшимся теменемъ, соединяющимъ сознаніе съ Небомъ; подставка же—горло, вводящее внутреннимъ словомъ Голубя въ сердце; Голубь—Духъ; сердце—алтарь града Новаго: града солнечнаго освѣщенія жизни.

Если *„голубка"* опустится, то сами *„змѣи"*—Животъ—приподымутся къ свѣтомъ прославленной чашѣ, оставляя змѣиныя кожи свои; преображенныя *„змѣи"* суть птицы; и чудеснымъ пѣніемъ птицъ—голосовъ—преисполнится человѣкъ; посѣтитъ его—инспирація; голубиная кротость въ нёмъ подлинно сочетается со змѣиною мудростью.

Вѣчная истина обрѣтетъ въ немъ служителя; сочетается съ лиліей роза.

Бѣлую лилію съ розой
Съ алою розою мы сочетаемъ:
Тайной пророческой грезой
Вѣчную истину мы обрѣтаемъ.

Вл. Соловьевъ.

71.

Искажаетъ пророческій образъ Чаши, просвѣтляющей нашъ змѣиный *животъ*, символика нѣкоторыхъ искривленій офитства: здѣсь, въ символикѣ этой змѣя... вылѣзаетъ... изъ Чаши... А внесеніе эпилепсіи въ интуицію—сверхъ-сознаніе утопляетъ; Чаша здѣсь не должно опущена; не удержана сердцемъ она: и опущена... въ Чрево, гдѣ змѣй вяжетъ Голубя ужасами радѣній.

„Нашу голубку вяжите
Ярыми кольцами древняго Змія".

Вл. Соловьевъ.

Облеченный въ Голубя змѣй прорѣзается явственно намъ въ темномъ ликѣ Хлыста.

Въ Александрійскомъ періодѣ змѣй возставалъ: Дракономъ, Протагономъ и... Офисомъ.

Возстаетъ и теперь.

72.

Не было возставанія этого во времена Персеваля: надъ заданіемъ Чаши, поставленной въ сердцѣ (круглый столъ—не оно ли?), Клингзоръ строилъ башню; эта башня есть черепъ: черепныя кости

сознанія оплотнѣвали въ грядущемъ (шестнадцатымъ вѣкомъ и философскимъ „субъектомъ"); черепныя кости сознанія отрѣзали отъ сердца сошествіе въ него Голубя: рыцари объявили войну Клингзорову замку.

Страшное дѣянье Клингзора—умерщвленіе „*я*" познающимъ „*субъектомъ*": оскопленіе дӯха жизни въ сознаніи нашемъ, ведущее къ ожирѣнію, къ брюху. Характерная черта Клингзора: скопецъ онъ.

73.

Форма познанія—чаша—разсӯдокъ, поставленный въ сердцѣ для пріятія духовнаго содержанья познанія. Символика интуитивнаго акта дана здѣсь отчетливо; Александрійскій періодъ символики этой не зналъ; и въ установкѣ—запутался.

74.

Интуиція—храмъ.

Въ немъ алтарь—наше сердце; и куполъ небесный—сознаніе; въ интуиціи человѣкъ внутри храма; не интуиція въ немъ, а онъ—въ ней; познаніе здѣсь—литургія, творящая тайны; рукотворные храмы—намеки на то, куда надо войти, куда надо проснуться: мы спимъ, наши грезы о храмѣ сӯть храмы, творимые рукой человѣка; храмовое творчество—жесты: напоминаютъ они, а не учатъ.

Внутри храма познанія человѣкъ есть служитель по чину Мельхиседека; но, выходя изъ него, онъ есть рыцарь, проводящій въ руку сошедшее съ Небеси; перестроеніе головы, руки, сердца его

облекаетъ въ доспѣхи: у Него пернатая голова, защищенная латами грудь; и—меченосная длань; это новое тѣло его—Монъ-Сальватъ; сознаніе новаго тѣла есть Персеваль.

Соединеніе рыцарства и священства—вотъ то, чего ищемъ мы: соединеніе крылатой главы съ сердцемъ—солнечнымъ панцыремъ; лишь отъ этого солнца чрезъ руку протянется лучъ; этотъ лучъ—острый мечъ, высѣкающій творчество.

Александрійскій періодъ въ исторіи мысли стоитъ Амфортасомъ—съ опущенной чашею, преждевременно изливающей свою солнечность въ змѣиное древо; змѣя, протянувшись копьемъ, ему жалитъ сознаніе; истекаетъ смертельная рана его; и онъ ждетъ—Персеваля.

Историческій Персеваль, какъ онъ выглядитъ у де-Троа и у Вольфрама фонъ-Эшенбаха—улыбка въ грядущее. Грядущее—наше время.

Мы ждемъ Персеваля.

75.

Непосредственно къ сознанію человѣка—надъ нимъ!—теологія приставляетъ часть Неба: въ кристаллахъ догматики.

Кристаллы—не небо.

Теологія предварительно разрываетъ на-двое Небо: на постижимую (Небо въ кристаллахъ) и непостижную части; первое, постижимое небо, стоитъ надъ главой на расширенныхъ понятьяхъ разсудка въ неестественномъ употребленіи ихъ; неестествен-

ность обнаружена впослѣдствіи нашей теоріей знанія, свободному сознанію человѣка, его живой части, не по себѣ—въ на него нахлобученной части неба; онъ ее ощущаетъ надстройкою; въ схоластикѣ онъ расшатываетъ надстройку; номинализмъ, реализмъ—разложеніе Небесныхъ кристалловъ въ сознаніи: метафизика и новая философія видятъ: самое небо, стоитъ на фундаментѣ сознанія нашего.

Въ противовѣсъ устремленью къ Свободѣ—опрокинутыя надъ главой человѣка, какъ чаша, теологическія Небеса падаютъ на эту главу великолѣпною шапкой: тіарой; теологія вынужденно облекаетъ въ тіару сперва; а потомъ въ нее вдавливаетъ; всѣ движенія—стѣснены; мы—въ футлярѣ; мы—скованы; продолжается уплотненье оковъ... до желѣза; извѣстная инквизиціонная пытка—„желѣзная дама"—футляръ, изнутри истыканный остріями; и—человѣкообразный извнѣ.

76.

Человѣкъ въ исторіи бунтовалъ, разбивая футляры, вмѣненные буллами; и *„желѣзную даму"* онъ выставилъ для обозрѣнія публики въ одной старой башнѣ; я — былъ въ этой башнѣ; вы всѣ въ ней бывали; мы въ ней пребываемъ давно; да — мы живемъ въ башнѣ; передвигаемся свободно мы въ ней; но изъ нея не выходимъ; выхода изъ нея мы не можемъ найти, потому что старинная башня—нашъ черепъ. Клингзоръ ее выстроилъ: надъ черепными костями, съ веранды,—отъ насъ гонитъ Голубя.

Мы ждемъ Персеваля: но жизнь внутри башни Персеваля, являетъ, какъ „blonde Bestie", — чувственно изживающимъ себя Господиномъ — подчасъ въ прусской каскѣ; такъ онъ выглядитъ часто на западѣ.

На востокѣ Европы онъ — хлыстъ.

Есть край, гдѣ старый замокъ
Въ пучину бьющихъ водъ
Зубцами сѣрыхъ башенъ
Глядитъ который годъ.
Докучно пролетаетъ
Докучный рай минутъ:
Есть Королевна въ замкѣ
И есть горбатый шутъ.

Пучина водъ, бьющихъ въ замокъ, есть кровь наша, жаждущая разлива Свободы; а замокъ есть ей угрожающій замокъ; Королевна — душа нашей жизни, какъ Кундри, въ плѣну у Клингзора; горбатый шутъ есть Клингзоръ. Королевна ждетъ избавителя: скажетъ онъ,

Конемъ кидаясь въ Солнце
Надъ пѣнистымъ ручьемъ,
Трубой играя въ вѣтеръ,
Блистая въ даль копьемъ.

Избавитель есть Персеваль.

Будетъ — бой.

77.

Человѣкъ не дошелъ до конца въ дерзновеніи; стѣны башни — сознанія — крѣпки; Клингзора боится тотъ рыцарь, кто въ исторіи болѣе всего бунтовалъ; рыцарь науки болѣе всего боится Клингзора.

Человѣкъ современности въ устремленіи къ чистой свободѣ да разобьетъ нависающій замокъ надъ нимъ и да вырветъ сознанье изъ мозга.

Пріемли, Королевна,
Спасеніе свое:
Въ желѣзныя ворота
Ударилось копье!

Королевна, душа, стукъ копья въ стѣны башни давно уже слышитъ: и, предчувствуя бой Персеваля съ „шутомъ" нашей жизни, Клингзоромъ, боится чего-то: Клингзоръ нашепталъ Королевнѣ, что этотъ стукъ есть стукъ смерти: выхожденіе за предѣлы черепа—смерть; самый стукъ изъ свободы воспринимаетъ она, какъ старикъ Метерлинковской драмы „L'intruse".

— Вы не слышали: тамъ „стучатъ".

Смерть же, черепъ,—Клингзоръ—наклоняясь, ей шепчетъ о томъ, что послѣднее дерзновеніе — пробитіе черепа: смертное.

Пріемли Королевна,
Спасеніе свое:
Въ желѣзныя ворота
Ударилось копье!

78.

Сознаніе наше должно разорвать свои бренныя, костныя оболочки, а то „*воронъ*"-субъектъ заклюетъ наше „*Я*", закрѣпощая навѣки въ твердынѣ застылыхъ понятій, бросая оттуда все жизненное въ

пучины. Человѣкъ нашихъ дней есть ландшафтъ, отображающій край, опустошенный, унылый.

Есть край, гдѣ старый замокъ
Въ пучину бывшихъ водъ
Зубцами сѣрыхъ башенъ
Глядитъ — который годъ.

Черепъ глядитъ въ бездну жизни: понятіе — въ чувственность; ангелично изсушенъ нашъ мозгъ; мы изсушеннымъ мозгомъ глядимъ въ ожирѣвшее чрево — безъ воли къ дерзанію.

Да, мы чувствуемъ наше рабство; и да, мы къ Христовой Свободѣ—стремимся; но стремленіе безъ подлиннаго „восхищенія Царства Божія“ — силою — выглядитъ: оскопленіемъ сердца въ союзѣ съ Клингзоромъ; за Клингзоромъ стоитъ Ариманъ, Мефистофель и — тьма; или стремленье къ свободѣ осуществляетъ себя въ утопленіи сердцемъ ума, не развившаго мощи, безкрылаго вовсе; расширяется сердце наше; оно—пламенѣетъ, но въ пламени возстаетъ намъ змѣя, Люциферъ: и — искушаетъ хлыстовствомъ.

79.

Два романа мои „*Петербургъ*“ и „*Серебряный голубь*“ рисуютъ два ужаса не дерзающей до конца жизни нашей: освобожденіе въ безсердечной Главѣ и въ безумствѣ сердечномъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ убѣгаетъ отъ жизни въ „*главу*“: по ней, путешествуя, бродитъ

онъ; но „глава“ эта — желтый домъ Аримана: разросшийся черепъ. И гонитъ безумiе Сердца къ свободѣ отъ мозга — Дарьяльскаго: онъ сгораетъ въ радѣнiяхъ; изъ Столяра Кудеярова на него глядитъ Люциферъ: гибнетъ онъ.

80.

Наша свобода дерзаетъ: надъ сердечнымъ огнемъ возлетѣть къ стѣнкамъ черепа и разорвать стѣнки черепа: Николай Аполлоновичъ необходимость разрыва въ себѣ ощущаетъ: движенiемъ проглоченной бомбы; въ немъ нѣтъ воли къ разрыву: въ неволѣ разрыва и въ противленiи ветхой формы сознанiя жизни; сознанiе, да и самая жизнь въ немъ — кривятся: оттого-то сенаторскiй сынъ гримассируетъ на страницахъ романа; пришло время дерзанiя: если мы не воспримемъ его, все равно мы его ощутимъ: — ощутимъ проглоченной бомбой; надъ собою должны мы взлетѣть: не взлетимъ, — разорвемся.

Жизнь рвется: шатается.

Черепъ будетъ разбитъ: свѣтлый Голубь пришествiя спустится въ отверстiе нашихъ разрывовъ: соединенiе головныхъ и сердечныхъ наукъ будетъ слѣдствiемъ схожденiя Голубя изъ-за мозга сквозь мозгъ на сердечный престолъ.

Чаша сдѣлана будетъ. Персеваль: будетъ съ нами.

81.

Рыцари, мистики и поэты „*на западѣ*“ благословятъ Персеваля; отъ „*Востока*“, отъ „*прошлаго*“ — благословятъ его: *Заратустра*, Манесъ,

Позоветъ же Христосъ.

Не узнанный, не узнавшій Себя, Персеваль уже въ насъ: среди насъ.

Рыцари философіи, науки, искусства себя повторяютъ въ исторіи: его гонятъ они съ Монъ-Сальвата.

Позовемъ же его! Можетъ быть, онъ—откликнется.

82.

Заданія Александріи — храмъ мысли; заданія наши—храмъ мысли и—опытъ строительства; но между опытомъ первымъ и опытомъ нашимъ—15 столѣтій; въ Александріи пыталися выявить чистую мысль. И мы—тоже.

Міровоззрѣнія, какъ кристаллы, слагались въ растворѣ души; міровоззрѣнія обгоняли другъ друга, и—рушились; совершился рѣшительный переворотъ въ точкѣ зрѣнія, міровоззрѣніе строющей; *„міровоззрѣніе"* есть воззрѣніе мысли на міръ; противопоставила мысль себя міру; межъ тѣмъ: мысль изъ міра возникла; и отрѣзаясь отъ міра, мысль сія міръ измѣнила; и міръ сталъ природою; міровоззрѣніе стало природовоззрѣніемъ, т. е., наукою о природѣ; неудивительно, что наукою оно было убито; *„міровоззрѣнію"* не осталось мѣста среди собственныхъ отложеній: наукъ о природѣ; и потому то оно въ XIX вѣкѣ превратилось въ науку; и—стало: наукой о природѣ своей.

Перечисленіе двѣнадцати колоннъ храма познанія (12-ти Кантовыхъ категорій) и познанье того, какимъ образомъ каждая изъ колоннъ подпираетъ часть храма,—ученье о методахъ; методы—паралельны: міровоззрѣніе—нынѣ ученіе о правомѣрности много-

образія существующихъ взглядовъ на міръ; храмъ познанія сводится — къ храмовой колоннадѣ; многообразіе колоннъ, независимость ихъ другъ отъ друга, центральность, *понятійность* (ибо колонна — „понятіе“) — разрываетъ единство центральнаго купола; куполъ храма познанья разрушенъ разсудкомъ; онъ — палъ; и въ мѣстѣ купола нынѣ увидѣли бездну.

Такъ надъ куполомъ старымъ (разсудочнымъ куполомъ) простирается нынѣ необозримо-огромный иной, новый куполъ: небесный; въ обители мысли откуда то сверху подулъ вдругъ порывистый вѣтеръ: то хлещутъ оттуда дожди, то мерцаютъ тамъ звѣзды, то солнце восходитъ.

Провалившійся куполъ есть знаменье кризиса — представленій о мысли. Узнаніе новаго купола, увѣнчавшаго стѣны и не подпертаго ими — выводитъ изъ храма; и видимъ, что куполъ небесный — все небо надъ нами; и звѣздами бѣгаетъ небо надъ всею землей; или — небо стоитъ, а земля кувыркается въ небѣ; какъ бы ни было, — поняли несомнѣннѣйшій фактъ: динамизмъ и текучую представляемость мысли: что стояло, то — бросилось съ мѣста, теперь сумасшедше вращаяся въ насъ; или „*ясная мысль*“ съ себя сдвинулась, замелькала; и стала неясной: не „*мыслью*“; или мысль никогда не была тою самою „мыслью“, какой ее видѣли мы; какъ бы ни было: кризисы мысли огромны; поставленъ вопросъ: съ ума-сшедшіе мы — сумасшедшіе-ли, или жъ — „*умъ*“, отъ котораго отказаться приходится нынѣ, былъ

[illegible] „безумiемъ", какъ „безумiемъ" было строительство всей нашей жизни доселѣ?

Есть ли ключъ къ разрѣшенiю страшной загадки, которая въ насъ вперилась давно, но въ которую мы до сихъ поръ не вперились, не понимая ея разрушающей мощи?

Если ключъ этотъ есть, то не надо-ли бросить все бренное, въ чемъ живемъ мы доселѣ и что было сложено нами той самою „*мыслью*", которая оказалась „*немыслимой*", — бросить все бренное? Бросить — и броситься за ключомъ, отпирающимъ мысль? Кризисъ жизни есть кризисъ издѣлiй „*немыслимой*" мысли; и чтобы выйти изъ „кризиса, надо выйти изъ мысли *немыслимой*" — къ „*мыслимой*" мысли; и [illegible] мыслью стереть непоправимые промахи.

Испытанiе мыслью есть первое испытанiе на пути посвященiя въ жизнь; и отъ кризиса жизни къ строительству жизни ведетъ насъ судьба черезъ мысль; въ испытанiи мыслью свершаются судьбы всей жизни.

Дорнахъ-Москва 16—17 года.

СОЧИНЕНІЯ АНДРЕЯ Б

„Сѣверная симфонія" *(1-я героическая).* **Кн-во „Ск**
Москва. 1904 г. *(Распродано).*

„Симфонія", (2-я драматическая). Кн-во „Скорпіонъ". Москва.
1902 г. *(Распродано).*

„Возвратъ". (3-я симфонія). Кн-во „Грифъ". Москва. 1905 г.
(Распродано).

„Кубокъ метелей". (4-я симфонія). Кн-во „Скорпіонъ".
Москва. 1908 г. *(Распродано).*

„Золото въ лазури". Первый сборникъ стиховъ. Кн-во „Скорпіонъ". Москва. 1904 г. *(Распродано).*

„Пепелъ". Второй сборникъ стиховъ. Кн-во „Шиповникъ".
СПБ. 1908 г. *(Распродано).*

„Урна". Третій сборникъ стиховъ. Кн-во „Грифъ". Москва.
1909 г. *(Распродано).*

„Символизмъ". Сборникъ статей. Кн-во „Мусагетъ". Москва.
1910 г. *(Распродано).*

„Арабески". Сборникъ статей. Кн-во „Мусагетъ". Москва.
1911 г. *(Распродано).*

„Лугъ зеленый". Сборникъ статей. Кн-во „Альціона". Москва.
1910 г. *(Распродано).*

„Трагедія творчества". (О Толстомъ и Достоевскомъ).
Кн-во „Мусагетъ". Москва. 1912 г. *(Распродано).*

„Рудольфъ Штейнеръ и Гете въ міровоззрѣніи современности". Изслѣдованіе. Кн-во „Духовное Знаніе".
Москва. 1916 г. *(Распродано).*

„Серебряный голубь". Романъ. Кн-во „Скорпіонъ". Москва.
1910 г. *(Распродано).*

„Петербургъ". Романъ. Москва. 1916 г. *(Распродано).*

„Революция и культура". Статья. Кн-во Г. А. Лемана и
С. И. Сахарова. Москва. 1917 г.

„**Христосъ Воскресъ**". Поэма. Кн-во „Алконостъ" П. Б. 1918 г.

„**На перевалѣ**".

1. Кризисъ жизни. Кн-во „Алконостъ". СПБ. 1918 г.
2. Кризисъ мысли.
3. Кризисъ культуры. *(Готовится).*
4. Кризисъ слова. *(Готовится).*

„**Глоссолалія**". Сборникъ статей, посвященныхъ проблемамъ ритма и словестной инструментовки. *(Готово къ печати).*

„**Путевыя замѣтки**". Дневникъ путешествія.

1. Сицилія. *(Готовится).*
2. Тунисія. *(Печатается).*
3. Радесъ. *(Готовится).*
4. Мусульманство и культура Тунисіи. *(Печатается).*
5. Египетъ. *(Готовится).*

„**Котикъ Летаевъ**". Симфоническая повѣсть о дѣтствѣ. (1-я часть романа „Моя жизнь") *(Готово къ печати).*

„**Дневникъ чудака**". Романъ. Хроника современной души. *(Готовится).*

„**Человѣкъ**". Повѣсть. (Хроника XXV вѣка). *(Готовится).*

„**Триптихъ**". (Три поэмы). *(Готовится).*

„**Собраніе сочиненій Андрея Бѣлаго**". Кн-во Пашуканиса. Москва.

Выпуски I, IV (двѣ симфоніи: 1-я и 2-я).

„ VII (половина романа) „Серебряный голубь".

КАТАЛОГЪ
Книгоиздательства „АЛКОНОСТЪ".

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

„Соловьиный садъ". *(Распродано).*
„Двѣнадцать" съ рис. Ю. Анненкова.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

„Младенчество".
„Прометей". Трагедія. *(Печатается).*

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

„Христосъ Воскресъ". Поэма.
„На перевалѣ":
1. Кризисъ жизни.
2. Кризисъ мысли.
3. Кризисъ культуры. *(Готовится).*
4. Кризисъ слова. *(Готовится).*

„Путевыя замѣтки". Дневникъ путешествія.
1. Сицилія. *(Готовится).*
2. Тунисія. *(Печатается).*
3. Радесъ. *(Готовится).*
4. Мусульманство и культура Тунисіи. *(Печатается).*
5. Египетъ. *(Готовится).*

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛЪ.

„Нѣтъ!". Разсказы. Посмертное изданіе подъ редакціей Вячеслава Иванова.
„Пѣвучій оселъ". *(Печатается).*
„Лирическое въ прозѣ и стихахъ". *(Готовится).*

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

„Россія и интеллигенція". Статьи. *(Печатается).*
„Катилина". Стр. изъ исторіи міровой Революціи. *(Печатается).*
„Молніи Искусства". (Итальянскія впечатлѣнія. *(Готовится).*

[illegible] юмористъ.

[illegible] Всеволода [illegible].

[illegible]скій ревизоръ.

[illegible] чувства. Сцены.

[illegible] Сцены.

[illegible] [illegible]. (Печатается).

[illegible] [illegible]. (Печатается).

[illegible] сказки. (Изданіе по подпискѣ). (Печатается).

[illegible]

[illegible] романъ. [illegible]. Приспособленный къ сценѣ [illegible] и В. С. [illegible].

[illegible] ИЛИ [illegible] ГЕНЕРАЛЪ.

[illegible] въ двухъ дѣйствіяхъ, представл. въ первый разъ въ Парижѣ на сценѣ [illegible]. Переводъ [illegible] и В. С. [illegible].